

№ 7 [933] АПРЕЛЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

ГЕРБ СТРАНЫ СОВЕТОВ

Космическая станция «Венера-3» доставила на Венеру вымпел с Гербом Советского Союза. Он представляет собой полый шар, на поверхности которого выгравированы контуры Земли.

Герб СССР... Он имеет свою почти полувековую историю. Февральская революция смела царизм, но Временному правительству было жалко расставаться с атрибутами самодержавия. Какие только доводы не приводились в защиту царского герба! Вот что писала буржуазная газета «Речь» в апреле 1917 года: «Юридическое совещание рассмотрело вопрос о дальнейшем употреблении знака государственного герба, признало, что двуглавый орел не связан ни с династией Романовых, ни с каким-либо определенным государственным строем... а потому с удалением с него титульных гербов, а равно эмблемы монархического характера... орел может быть принят для употребления, как герб Свободного Российского Государства, причем окончательное установление изображения государственного герба должно быть предоставлено Учредительному Собранию».

Молодой Советской республике нужен был свой символ, свой герб, нужна была Государственная печать.

В середине ноября 1917 года появляется первая печать Совнаркома. Она была очень проста, по ее краю шла надпись: «Крестьян[о]е и Рабоч[о]е Правительство Республики России» — в центре — «Управление делами». Впервые такая печать ставилась на документах, которые выдавались крестьянам-ходокам с ответом на их запросы о переходе власти к Советам и о задачах Советов

Рисунок художника Б. ЛЕБЕДЕВА

крестьянских депутатов и волостных земельных комитетов.

Со временем изготавливают печати и в различных наркоматах, учреждениях. Их обилие создавало почву для разного рода подделок.

В январе 1918 года Владимир Ильич дал указание об изготовлении единой Государственной печати.

В Центральном партявине Института марксистско-ленинской при ЦК КПСС обнаружен документ того времени:

«Обращаемые товарищи! Обращаемся в Ваш союз», секция графического искусства и просит дать нам образ-проект официальной государственной печати со слоганом: Рабочие и Крестьяне Правительства Российской Советской Республики — Совет Народных Комиссаров».

«Товарищеским прилетом секретаря Совета Народных Комиссаров Н. Горбунова 24 января 1918 г.»

Сохранялся и визитная карточка, приложенная к этому письму. «Владимир Ильич Анисимов — председатель секции графического искусства при Союзе мастеров и техников». На ней рукописная пометка: «По делу проекта Государственной печати».

В Петрограде была типография «Р. Голик и А. Вильборг» (ныне типография имени Ивана Федорова). С первых дней существования Советской власти она выполняла различные заказы Совнаркомом, здесь печатались воззвания, листовки, всевозможные бланки. В. И. Анисимов был комиссаром этой типографии. Естественно предполагать, что сделать образ-проект официальной государственной печати было поручено ему.

Преписла В. И. Ленина к письму Клары Цеткин художнику-граверу. Через некоторое время в адрес секретаря СНК поступил ответ:

«19 марта [1 апреля] 1918 года. Секретарю СНК Н. П. Горбунову. Через председателя секции графического искусства В. И. Анисимова мы получили заказ на изготовление печатей для Рабочего и Крестьянского Правительства Российской Республики, и изготовлению которого нами своевременно приступили...»

Вскоре рисунок проекта печати передается на изготовление в комитет по управлению делами бывшего акционерного общества «Словолитис О. И. Леманов», которая находилась напротив типографии «Р. Голик и А. Вильборг», на Звенигородской улице в доме № 2. На здании установлена мемориальная доска: «1905—1930 г. В этом доме 3/16 апреля 1905 года был основан первый рабочий профессиональный союз в России — Союз рабочих печатного дела».

Вспомните внимательно в первую Государственную печать. В ней те же элементы народной символики, которые имеются на нынешнем Гербе СССР. Гербу СССР составил русский художник Государственной печати рождивший Государственный герб.

Вот что рассказывает об этом управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич в воспоминаниях, относящихся к началу 1918 года:

«...Владимир Ильич был у себя в кабинете и беседовал с Я. М. Свердловым, Ф. З. Дзержинским и некоторыми другими товарищами, когда я, получив рисунок герба, пришел к нему и положил его перед ним на стол...»

Видно, герб сразу был хорошо. На красном фоне сияли лучи восходящего солнца, обрамленные плугором снопами пшеницы, внутри которых отчетливо виднелись серп и молот, а над гербом главенствовал, словно настороженно, а под оттопыренный буланный меч, проходящий через герб снизу вверх.

«Интересно! — сказал Владимир Ильич. — Идея есть, но зачем же меч? — И он посмотрел на всех нас. — Мы возьмем, мы возьмем и булавку, пока не зарились диктатуре пролетариата и пока не выигнали из наших пределов и белогардейцев и интервентов, но это не значит, что война, воцарения, военное насилие будут когда-нибудь главенствовать у нас. Завершения нам не нужно. Завершательная политика нам совершенно нужна; мы не нападём, а отбиваемся от внутренних и внешних врагов; война наша — оборонительная, и меч — не наша забава. Крестьяне держат его в руках мы должны, чтобы защищать наше пролетарское государство до тех пор, пока у нас есть враги, пока на нас нападают, пока нам угрожают, но это не значит, что это будет война». Совершенно. Братство народов будет провозглашено и осуществлено во всем мире, и меч нам не нужен, он — не наша забава... А в остальном герб хорош».

На пятый день 1-го Всероссийского съезда моряков военного флота, созванного Военинформкомом. Владимир Ильич внимательно следил за работой съезда. Вечь выступил капитан Урядительного собрания, а требование его созыва было до Октябрьской революции очень популярным среди народа, в том числе и среди матросов. Но после установления власти Советов это требование оказалось назади. И все же большевики участвуют в выборах, созывают Учредительное собрание. Нужно, чтобы массы на собственном опыте убеждались в его реакционности.

Ленин знал, что даже балтийцы — наиболее революционные из моряков — далеко не сразу избавились от гипноза идеи Учредительного собрания. Поэтому в первый день работы съезда Владимир Ильич с большим удовлетворением выслушал рассказ о том, с каким воодушевлением приняли моряки резолюцию по докладу о текущем моменте в власти. В ней говорилось: «Вся власть во всесоюзном заявляют, что вся мочь военного флота будет стойко поддерживать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, эту единственную власть, дающую нам свободу и волю и смело идущую навстречу скорому миру».

Тогда же в разговоре с председателем Военинформского революционного комитета Иваном Выходцевым Ленин согласился выступить на заключительном заседании перед моряками, возгоржонно избравшими его почетным председателем съезда. Председатель Совета Народных Комиссаров приветствовал в лице съезда армию и флот молодой Советской республики. Владимир Ильич изложил задачи строительства нового, социального государства. «Моряки и матросы, — говорил Ленин, — могут считаться недостаточно подготовленными. Но нужно практически учиться управлять страной, учиться тому,

Он подписал рисунок своими инициалами». При этом присутствовал и художник, который внимательно выслушивал все, что говорил Ленин, обещая скоро принести новый эскиз. Как нам удалось выяснить, это был Александр Николаевич Лео, который как раз и работал в то время в типографии «Р. Голик и А. Вильборг».

С переводом Советского правительства в Москву вопрос о печати еще несколько раз обсуждался на заседании Большого и Малого Совнаркомов. 19 июня 1918 года Государственная печать с изображением Герба была утверждена Совнаркомом. Пятый Всероссийский съезд Советов подтвердил правильность выбора Герба.

На бумаге отсюда новая печать с Государственным Гербом впервые появилась 26 июля 1918 года. В письме Клары Цеткин Владимир Ильич писал: «Р. Е. Мне только что прислали новую государственную печать. Вот отпечаток. Надпись гласит: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Употребление старого герба безусловно воспретить под личную ответственность подписавшихся будет».

Обязать все Советские учреждения областного значения с 1-го мая 1918 г. Гербом Советской Республики».

Это было 3 августа 1918 года. Г. МИСЕЛЕВ

СОЗДАНИЕ ДЕМАТОМ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

На пятый день 1-го Всероссийского съезда моряков военного флота, созванного Военинформкомом.

Это составляло рыночную монополию буржуазии. В этом отношении во флоте мы видим блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс, а в этом отношении флот показал себя как передовой отряд.

Владимир Ильич еще долго говорил о важнейших вопросах текущего момента — о земле, о рабочей политике, о национальной проблеме и о мире.

На следующий день Ленин получал пакет, доставленный флотским связным. Вскрыл его, он прочел следующее:

«БАЛТ. ФЛОТ.
по делу о выборах в Учредительное собрание
Комиссия
22 ноября 1917 года
№ 2137
Гражданин
Владимир Ильич Ульянов
(Ленин)»

Балтийско-флотская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия уведомляет, что Вы избраны от Балтийско-флотского округа членом Учредительного собрания, а потому просим Вас прибыть в я. Гельсингфорс, на яхту «Полярная Звезда» за получением удостоверения, согласно ст. 130 и Положению о выборах в Учредительное собрание».

«Владимир Ильич принял на русовское милое матроса в слегка замаскированной форме без шапки, на которой багряная золотом надпись «Оле». Это было 15 октября, в пятницу того дня, когда Центральный Комитет партии дал Ленину согласие на перевод из Выборга в Петроград. Тогда-то и ввел в жизнь этот мот и по-военному четко приставился:

— Секретарь Центроблота Логвинов! Прибыл по поручению флотского по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия. И сразу же заявил:

1 Всероссийский союз мастеров и техников.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

1937 АПРЕЛЬ 1966

Год издания с 1937 года. Выходит два раза в месяц.

— Товарищ Ленин! Балтайцы просят вас быть их депутатом в Учредялку!

Глаза Ильича вспыхнули веселым огнем.

— Этак уж все балтайцы и просят! — осведомился он. — Насколько я знаю, выборы в эту самую «Учредялку» проводятся по партийным спискам и каждая партия выдвигает своих кандидатов. Я же большевик и могу избираться только по одному списку — списку Российской социал-демократической рабочей партии большевиков. А вы уверены, что на выборах победит именно этот список?

Логиков решительно махнул безосмысленно.

— Уверен, Владимир Ильич!

Ленин тогда же написал:

«Я, нижеподписавшийся, Ульянов Владимир Ильич, сим изъявляю согласие баллотироваться в Учредительное собрание от Балтайского флота и не возражаю против порядка помечания в списке, предложенном флотской организацией РСДРП (большевиков)».

Потом по адресу «Петроград, Смольный институт, комната № 18» пришло сообщение об избрании Ленина депутатом Учредительного собрания.

Одновременно кандидатуру Ленина выдвигали еще в некоторых округах. Так, например, он получил телеграмму об избрании его депутатом от округа Северного фронта. В ней сообщалось, что «секретарь фронтовой комиссии прапорщик Абрамов выехал сегодня почтовым поездом в Петроград для вручения депутатского удостоверения».

Комиссаром над Всероссийской комиссией по делам о выборах в Учредительное собрание был назначен Урицкий. Ленин показал ему полученные сообщения:

— Моги бы по этим округам пройти другие наши товарищи?

Поняв, что Владимир Ильич заботится о предоставлении в Учредительное собрание большого количества большевиков, Урицкий посоветовал ему представлять один из округов, а в остальных написать просьбу о замене его следующим кандидатом по партийному списку.

— А это не будет противоречить закону? — спросил Ленин. — Может быть, inconsistent с компетенцией юристов? Я как раз собирался проконсультироваться по одному вопросу.

Урицкий заверил, что совершенно没问题: проинструктировав Урицкого о выборах и готов дать исчерпывающую консультацию по любой статье. — Это очень хорошо! — заметил Ленин и, рассмеявшись, добавил: — Видно, мы избиратели — отменные законники и дипломаты! И именно в виду моряков. Приглашают за мандатом в Гельсингфорс и ссылаются на юридическую статью!

Балтайцы знали, что Ленин очень занят, что ему трудно будет выехать к ним, но соблазн поехать Ильича был велик.

...Владимир Ильич твердо решил быть депутатом балтайцев. Но о поездке в Гельсингфорс ввиду крайней занятости не мог и думать. Он написал морякам письмо:

«В Балтайско-флотскую по делам о выборах в Учредительное Собрание Комиссию.

Я очень прошу Вас Комиссию передать мне удостоверение о моем выборе по почте или через кого-либо из представителей флота... Товарищ юрист, с которым я советовался, говорит, что противный о законе к такой посылке удостоверения нет».

Из Гельсингфорса для вручения Ленину депутатского удостоверения выехал председатель флотской комиссии Григорий Гребенщиков.

В избирательные комиссии округов Балтайцы Владимир Ильич отравил телеграммы следующего содержания:

«ОСТАЮСЬ ДЕПУТАТОМ БАЛТАЙСКОГО ФЛОТА. ПРОШУ ЗАМЕНИТЬ МЕНЯ СЛЕДУЮЩИМ КАНДИДАТОМ СПИСКА БОЛЬШЕВИКОВ УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН».

Учредительное собрание открылось 5 января 1918 года. Когда оно отказалось признать Советскую власть и не признало «демократию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», большевики покинули за сессией.

В полочке начальник матросского караула Анатолий Железняков, выполняющий волю Советского правительства, продолжал контролировать работу Учредительного собрания разоблачать. На следующий день декретом ВЦИК Учредительное собрание было распущено.

Е. ПЕРОВСКИЙ

Коростели

Коростели, коростели! —
вы голос

дремлющей земли.
Мой друг, мир веселостью отмечен.
Не суетись и не спешь...
Послушай!

как скрипит в глуши
коростели, встреча вечер.
Переступает день черту.
Текут распада в темноту.
Земля, как женщина,
податлива и величава.
Над ней эзекит и стынет мгла.
Заря легла в парные травы.
Летит — прозрачна и остра —
звезда над тихим бездорожьем.
Пора, мой друг,

давно пора
спусковой стать
мудрой и строено.
Понять, о чем грустят адалы
бессонные коростели,
о чем молчат в тиши
рябины...
О этот трепетный, глубинный
зов вечерней земли!

Михаил ДЕНИН

Земля

Бывает так:
устанешь от покоя...
И так бывает:
нет конца пути...
Иди к земле,
принимай к земле щекою,
ее тепло

скупое

ощущи.

О холод звезд

над пустотой полей!

Песок топонимий,

ропот муравьев.

Земля!

В пыли,

под проливным дождем,

сизов сумрак выжогий

мы по ней бредем.

Цветы и камни,

руды и слова —

все в ней мы ищем

и наших идеал.

Оттуда вышли и туда придем.

Иди к земле, она всегда прав!

Города

Города, как люди!
С городами
дружим.
И мучаем мы — с годами.
Соримся, и любим, и грустим.
Города...
Сизов сумрак
сизов туман
времен

и рстостин

все вней нам
голоса столи
и районы дальних,
крыш, и улиц,
и забытых лиц
...Вот опять плывут издалека
облака.

Трескучий сумрак вечера.
Вновь легла покорно
и доверчиво
на рукав мне
токая рука.
Облака плывут издалека.
Проступают

из блестящей мглы
острые изломы, и углы
белых крыш,
и черные столбы.
А вокруг такая тишина!
Только гудно плещут проводы.
Словно в голубые нивы,
в провода

запуталась луна.

Из тени и блинов
город соткан.
Вновь глаза твои
уходят в тень...
Знает цену мудрости высокой
только тот,
кто знает боль потерь.
Это все

знакомо мне,
знакома
мне вокзалы дальних синев.
И перрон,
и гром сапог,
и комок
горечи, и прощальные слова.
Что же, не суждено нам никогда
мудрости митяевой научиться!
Версты,

перегоны,
поезда,
нам от них не деться нигкуда!
Сталь стучит на стыках.
Сталь стучится
в стальной грунт.
С востока сень сонится.
И встает над ступолицо льда
стройная до костры...

и вновь лунится
в зловонный тьме
витийская звезда.
И зовут, как прежде, города,
где я был,
где не был никуда.

Роман СОЛНЦЕВ

Как же оно сохраняется —
в человеке зеленое счастье!
Из воронки обугленной
как он может смотреть светло!
И ромашку держать,
когда пальцы кровью сохнута...
Вот я вспомнил войну.
Разбомбленное село.
Мысли только о хлебе.
Мать седая, сядая, сядая...
Самолеты на небе,
как оконные рамы раз!
И сосед мой безногий,
костыли спавший в пелюшке,
чтобы дать хоть немного,
хоть полдня еще жить дочурке...

Как мы выжили, люди!
Как не стали глухими, нутными!
Мы наполнили шляпы.
Мы в колодезь звезду опустили.

Мы, галактик улитки
посадили на страницы конспектов,
сохранили улыбки
и почти сохранили постоы.

О Россия моя!
В моем сердце качаясь, как
...в толкучке...
...Ветровые поля.
И железные, именные люди.

Пожалуйста, в мой век аэродромов,
церквей, лабораторий, ипподромов,
среди оглушающего рева, свиста,
когда пыльца над лугом не плывет,
а только голубой ботаники такса
нананность растирает, как плевко,

любимая, в мой грустный век рэдеров,
когда в лесах отравлены грибы,
любимая, в мой жаркий век пожаров,
встающих жеребцам на дыбы,

в еще не названное время суток,
когда дремотно кружит полусуарик,
дай песню я у тебя в гостях...
Транзистор выключи. Огня не надо.
Лицо твое светлеет где-то рядом.
Мы посидим. Мы молча. Просто так...

Привидятся мне странные картины
в мой век модерна, шифров, шелухи:
тропинки детства, алые долины,
зеленые, как листья, петухи,
наивные слова мужички красивым,
девчоночки, и в рваных кораблях,
и град над полем, облученный в сплывы
в полметре от окультуренной земли!

В еще не названное время суток,
когда дремотно кружит полусуарик,
дай почкаса,
дай песню немножко
у твоего лица,
как у окошка...

ИЛЬЕ ФОНЯКОВУ

Мы тоже шепчались по свету:
«Ах, культуры отирадим сыноу,
Но видишь ли, чего-то нету...
Ведь личность... Но не в этом дело!
Да, вблизи у нас отменили,
да и красна у нас мадера,
но вот чего бы непременно...
Как бы сказать!.. Не в этом дело!
Да, внешне нет у нас провинции,
сигналов с Вату идет антенна,
и хлеб в поселках появился...
пшеничный... Но не в этом дело!
Как бы сказать! Данин... Пикассо...
Вердир... Расованов и зрело...
Да и в России не погасло
искусство... Но не в этом дело!»

Не в этом дело! В чем же, в чем же!
Мы, в облачении модерна,
чего ж молчим опять, чего же!
Или опять «не в этом дело!»
Приняли думать мы, мальчишки:
есть главное на свете, нечто,
к чему причастны мелочишки
не более, чем злак и вышке
иль нисорог и звездке.

Конечно!
А нам понять не будет поздно,
что нечто может толсто снитись!
Что на любой из мыслей

просто
бомбаса мы остановиться!
Вот, скажем, рифма постарела...
В любви солгал. Горны напусти...
Мы говорим: «не в этом дело!»
А дело в этом, как ни грустно.

Рисунки В. АРОНИНА

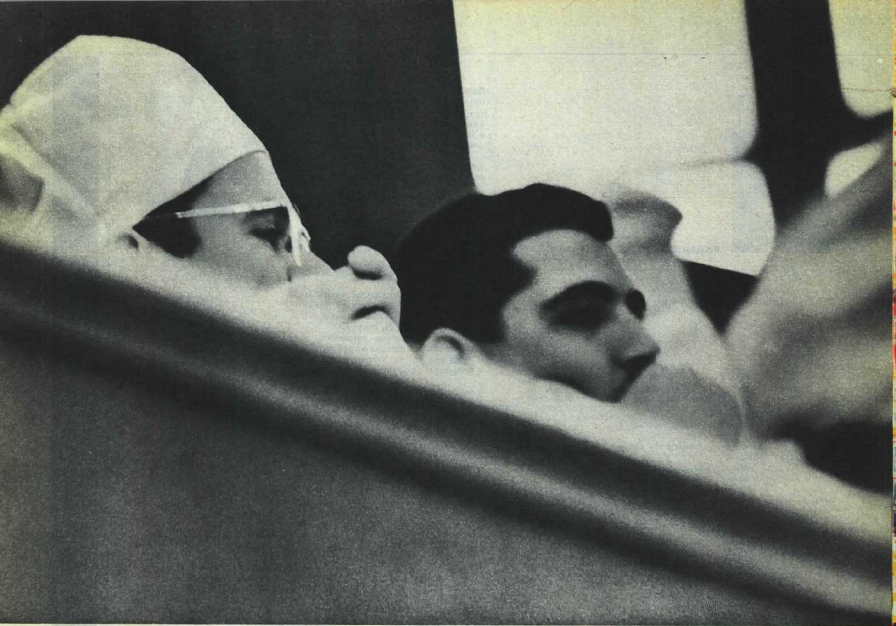

В а н я

Мы жили около берлог,
где прель, малина, сомы,
сырых теней намискося
тяжелые засовы;
мы жили средь отвесных рек
и красных плашек сосен...
Мы жили к палаткам на ночлег,
и как наш сон был сочен!
Там приходилось ребе спать
лишь коноу — работа:
то лошади уйдут опять
за гарн и болота,
то бродит в стороне медведь,
дух меда, сирпи сушины...
А нулево выйти, посмотреть
и подсмотреть!-принчины.
Среди камыщников, юнцов
и тех, ученых, в светлота,
был конюх Ванька Иванов
величина человека.

Он хлеб возил илв и табак,
одежонку (в кармане!)
духи куда б коней для баб,
но бутылки гарин...
Весь именушачийся Иван,
в морозном, малорослый,
сказать нельзя, когда он пьян
и он пацан иль взрослый.
Ему тайга извасквоэ своа,
кровь глухаря — что вишня...
Он из детства, спывал я.
Я думаю, так вышло:
попал дитев в тот тараран,
где скрыты орляк,
Бойка. Конечно, илв там
недалого выбирали.
«Иван». Опять же — «Иванов».
С мальчонки не убудет.
А сколько записать годноа!
А путь там сколько будет!

...Мы жили средь туманных рек,
какие-то саутыли сосисы.
Но тот бывалый человек
запомнился мне очены.
Тот блеск уздечки при луе,
морщинки темной коню...
И какнется порою илме,
что в чем-то мы похожи.
Среди работы, средь всего
порой находит смудь,
что подроства в своего
не знаю почему-то.
Я, как Иван, ижну. Пишу.
Томлюсь в онойной ране...
Я, может, сорок лет дышу
и умирать пора илме.
А может, я совсея юнец
не знал любви и боли,
и если есть на свете лес,
то в нем светла, как в поле...

Первый медицинский институт им. Сеченова празднует свое 200-летие.

В четвертом веке до новой эры по городам Элладе, Фессалии, Малой Азии странствовал Гиппократ, сын Гераклида из рода Асклепиадов, которые считали своим покровителем бога врачевания Асклепия. Гиппократ был странствующим врачом, он лечил патрицеев и плебеев. А кто постоянно видит болезни и страдания, должен

либо отвернуться от них, либо начать борьбу. Борьбу с болезнями — это значит научиться забывать о себе, быть добрым, гуманным, всегда и всюду оставаться исследователем.

По всей Пирговке, улице медиков, мимо желтых корпусов клиники, мимо медицинского городка идут студенты.

Терапевты, фармацевты, акушеры... Над головами

торжественно льютю транспаранты: «Планин: ты — гуманист, борись, исследователь!» «Врачи, ты отвечаешь за жизнь!» «Рассекая ноком, рассекая мыслью!»

По Аллее Ирины медленно движется машина. На борту — плакат, продолжающий вечный спор: «Архимед Гиппократ был умнее во сто крат».

Над бесконечной колонной

поднялось алое сердце с полуметровыми трубами артерий.

Завезавшийся троллейбус попал в самую середину этой процессии и растерянно принюхнулся к тротуару. Гулко бухают медные тарелочки.

Первый московский Орден Ленина и Ордена Трудового Красного Знамени медицинский институт имени Сеченова празднует свое двухсотлетие.

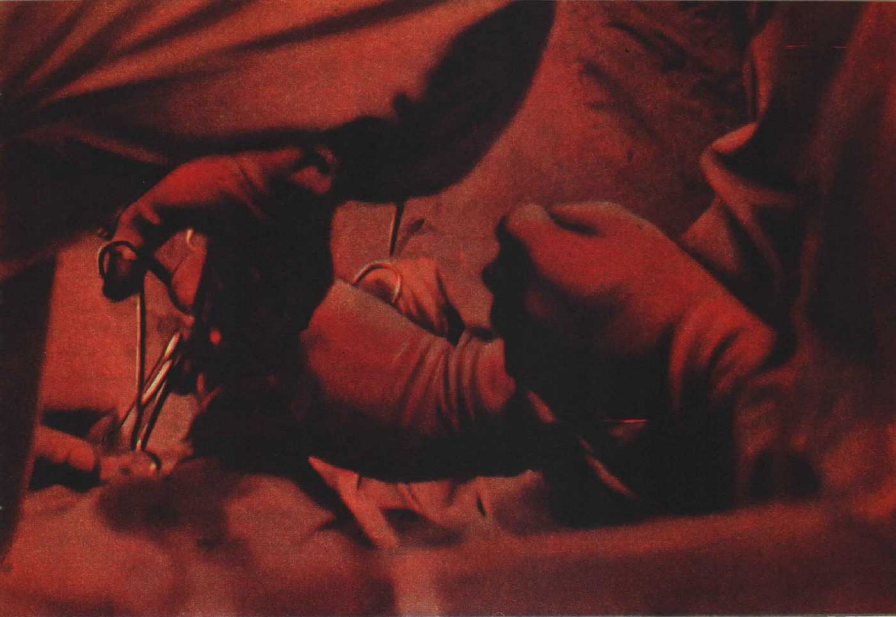
КЛЯТВА ГИППОКРАТА

Григорий ИСАЕВ,
Ирина ТРИБУЦ

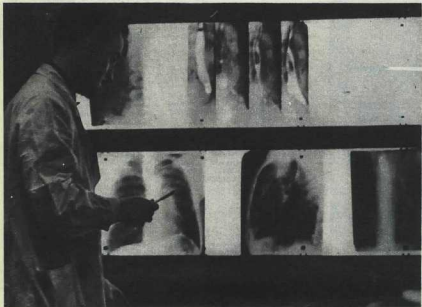
Фото
Виктора САККА

Так рождаются врачи

Наверно, уже две тысячи лет студенты-медики, покидая институт, проносят клятву Гиппократу, обещают жертвовать собой во имя больного, защищать интересы больных, все силы души

Оперируют сердце.

отдавать изучению природы заболеваний. А начинают студенты так...
 — Пранкина. Ночное дежурство. Родильное отделение.
 — Группа, в первую очередь, кто из вас ассистирует?
 — Девушки тщательно смотрят на Сашу Погромова: «Иди первым». Саша немедленно начинает мыть руки. Потом ассистирует Зина Токарева. После опера-

ции она поправляет волосы роменницы, успокаивает: — Мальчишка родился хорошей, большой.
 — Сербай — всхлипывает и улыбается молодая мать. А Сирена уже лежит на весах, пишет, закает воздух красными шнорцельными ручонками, и его большие, око разрезанные глаза бессмысленно смотрят в потолок.
 — Аллея Жизни Первого медицинского института начинается здесь. Здесь ронда-

ются люди и студенты становятся врачами.

Modus vivendi

означает
«Образ жизни»

Уже с первого курса студенты-медики учатся не только анатомии и латини, но и высокой требовательности к себе.
 Прошлым летом, когда це-

Готовясь к операции, врач тщательно изучает рентгеновские снимки сердца.

В кульминационный момент операции хирург замечает живое сердце искусственным.

Электрофизиологи внимательно следят за всеми изменениями ритма работы сердца.

линый отряд отправлялся из Москвы, Лида подошла и командир и проткнула ладони:
 — Меня зовут Лида Бобылева... Буду работать в отряде врачом.
 — Врач! Зачем нам врач?

— После дежурства в больнице Лида приходила в лагерь и шла на кухню и девочки.

— Выя помочь? Летела в бак очищенная картошка, шипели на сковоро-

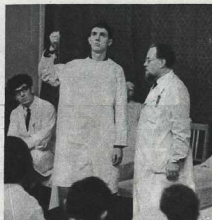

родие блины. А вечерами доводила пели... Петя Лиде приходилось меньше всех.
 Мы приходили к Лиде с цыралинами и порезами. Она была для всех нас и ровесницей и старшей — когда мы делились у нее.

Однажды стройка остановилась. Авария. Несчастный случай. Раннее нашего зыполита. Перелугангие, побледишше, вы привезли его в больницу всей

На лекции профессора Василия Михайловича Банчикова. Василий Михайлович проводит своим коллективом занятия.

бригадой и, столпившись у большого окна, смотрели, как Лидя накладывает швы, что-то приговаривает и улыбается...

Лидя Бобылева, Витя Тутушкин, Миша Котиковос — студенты-медики — шестикурсники. Члены строительского студенческого отряда.

Ночью у палаты ими штаба скрипяла тормоска. Шюфер нетерпеливо звал: «доктор, доктор... И кто? — Лидя, Витя, Миша — бравадоманки с инструментами — и в машину.

Да, если ты врач, то веди нас катить, в метро, но улице — тебя могут позвать люди.

Студенты как студенты. И все же...

Комсомольские собрания, спорт, стихи. Саша Александров, Игорь Буренин и Виталий Гонимай обменялись студентами. Но учились чуть получше, ведут научную работу. У Виталия под глазами темные круги, а Игорь во время нашего разговора все листает учебники: зачет завтра, некогда. И Виталик и Игорь через ночь — на «Скорой помощи». А днем лекции. И работа в эндокардиологическом кружке. Опыт, опыт, издучки и слова опыты... Такие же, как и у будущих инженеров. Такие же! Но вакуумные установочные и счетно-решающие устройства проще человеческого организма. Здесь, в клинике, жизнь борется с болезнью и смертью. И студенты-медики участвуют в этой борьбе, становятся мудрее и старше своих сверстников. Они зная полную свою ответственность за людей. И приняли ее.

Кардиолог Рышкин на операции.

Доказательная мудрость гласит: «Человек лечится ножей, травяни и словами». Операции делали еще в Египте за два тысячелетия до нашей эры. Источники науки о лекарственных травах теряются в глубинах древности. Слово появилось позже.

— Психотерапия, — начал лекцию профессор Василий Михайлович Банчикова — наука о воздействии на сознание человека. Вы будете лечить людей. Будьте деликатны, будьте участливы, будьте терпеливы. Помните, каждое слово, сказанное больному, не проходит бесследно.

В аудитории стоит консервативная тишина. Василий Михайлович рассказывает о десонсе, который вымывается из больницы, неосторожно сказали: «До осени все будет по-прежнему».

Осенью она вновь заболела... Слушал профессора Банчикова, мы думаем о том, что врачи раньше других учатся гуманизму, узнают цену жеста и слова...

Сердце в ладони

«Анатомичка, ладони, ладони по гилеозу, белые угалты, скаллени, пинцеты. Так постигает студенты-медики заветы Гиппократата. И может быть, больше, чем любая лекция, учат их этому минуту, когда они непосредственно следят за работой хирургов-кардиологов.

Если ты врач, то постоянно сталкиваешься с жизнью и смертью. И где-то на невидимой границе этих двух великих таинств природы маячет человеческое сердце.

Чемогосе видели его. И совсем немногие брали во время операции сердце в руки.

И эти единички (счастливым или людям, отлученным временем огромной ответственности) и принад-

лежат однонашим Валерий Шуманов, Вячеслав Владимирович Шабалин и Владимир Мясков.

Все они хирурги-кардиологи. Все работает у Бориса Васильевича Шабалина Вячеслава Рышкина и Бориса Шабалина как члены мединских наук. Скорее зашицайтесь Владислава Мелехова. Валерий Шуманов — уле доктор. Иканову не боится читать лекции.

Зрелище высокой профессиональной работы молодых хирургов-кардиологов — это хитро и нам и студентам. Оно учит как работать в области профессии. Без этого человек все еще не будет Человеком, а врач — врачом. Одноименный — хорошие врачи.

А пятнадцат лет назад, в первом курсе институту, они были иними...

Помнится Крым. Безвременье извещения Карбо-Тиль, жаркие дни и чепуховый полдень — туристская «админичка».

Один из машин не выдерживая, выскочил с пилы на дороге.

— Не могу... Воды! — И сел у воды. Воды! — Шуманов хватается горемыку за шиворот и трясет.

Это было давно, очень давно. Сейчас у Валерия осталась лишь требовательность. В кружке и к себе. Большие к себе. Он стал хорошим врачом и, значит, стал иним, терпимым и слабостям слабым.

Сей Мелехов отличался в прошлом и отличался сейчас широкой эрудицией. В студенческие времена, в спор с ним, вы подчас могли недоумевать и неопределенно-менюсиру и очень содержательную лекцию.

Теперь Сева предпочитает слушать сейчас и инимы менторские поучения, на его лица, выходящие загадочная улыбка.

Но если вы хотите знать Мелехову, то лучше узнать движения его души, войдет падать и перепроверившимися детскими...

Мы задаем себе вопрос не случайно ли провалился в будущее однонашим? Ведь ведь ли Валерий уделось бы в 33 года стать доктором медицинских наук, а остальным — кандидатами, не будь они учениками Петровского? Возможно, но они всюду были бы хорошими врачами.

Человеческая природа в своих проявлениях очень последовательна. Сбор, летний жаркий день, тень старого вяза, мы в тени у баскетбольной площадки и блаженная полезазамазационная дельта, не решаясь потренировать дене тренера Лидя и Слава Рышкина и Боря Шабалин стоят у баскетбольного щита и раз за разом посылают мяч в корзину, отработавшие бросок «с точкой». А потом, уже месяцы я видел перед собой мелеховские пальцы Славы. В кафе, в гостях на занятиях — всюду эти пальцы Рышкина. Белье, что-то от маленьких волшебников, непонятно зачем глущих хирургические узлы. А сейчас эти пальцы сияют сосуды и мелеховское сердце. Подательное овеуствитель и трудолюбив был Шуманов.

Простое, настойчивости, человеколюбиво учились выходящие семейноуристы у В. В. Петровского, В. М. Банчикова и многих других талантливых выдающихся первого медицинского института.

Две тысячи лет пронизают студенты-медики читать мимнофорта. Они поощряют призы, прозвучавший в Древах. Гордимся, подхваченный врачами всех стран и всех народов. Они являются быть примером высокого гуманизма.

Лсли бы он был выше ростом, он имел бы феерический успех у женщин. Так говорила его мама.

Он часто повторял эту мамину фразу только потому, что считал свой рост, свои неполные метр шестьдесят семь величайшей несправедливостью.

В институте он не мог ужиться за высокими девушками, а еще раньше, в школе, всегда был самым маленьким в классе.

Мама переживала, что он плохо растет. Маме хотелось, чтобы он был высоким и еще чтобы он был скрипачом, вуддерингом, вторым Бусей Гольдштейном. Маме снилось, будто ее единственный сын Евгений Потунин стоит на эстраде. Вот он, милый интеллигентный ребенок, жмурится от света юпитеров, у него настоящей Страдивари и теплые колени. О Атлантический океан родительского тшеславия!

В строительный институт он поступил только потому, что так хотела мама. Правда и то, что теперь он не жалеет. Нисколько. Он способный инженер, а если учесть, что от скромности никто не умирает, он талантливый инженер.

Он поверил в свой талант еще в институте. На третьем или на четвертом курсе, когда неожиданно зазвонил ему изумительная идея. Строго говоря, это была не совсем идея, правильной — мечта: дальние умозрительных построений дело не пошло, но ему показало, что он нашел новую конструкцию мостового пролета. У него было три сборных сегмента, каменито-немыслимые разружаемые шарниры, при этом элементарная армировка: шесть стержней поперку, четыре понизу, все выглядело ужасно просто. Было страшно: «Неужели до меня никто не думал об этом?»

Студенты не часто делают технические прорывы. Добросовестные студенты не делают никогда. Он был добросовестным студентом — отличником, персональным стипендиатом, и тому же по линии СНО он разработал другую тему. И вдруг — сколько лет прошло — ему, уже групповому инженеру, пришлось заняться мостами. Их группу перевели на новую тематику. Он вспомнил свою родовую мечту — три сборных сегмента, шесть стержней поперку, четыре понизу, но теперь у него были опыт, и хватка, и смелость и не было вопроса: «Неужели до меня никто не думал об этом?» Вась расчет он сделал за неделю, отдал печатать Ада Борисовна. Ада Борисовна печатала, удивлялась. Она всегда удивлялась. Это основная черта ее характера. «Геннадий Петрович, вы собираетесь защищать диссертацию? Верно? Нет-нет, я все мажу назад. Но ведь я даже не предполагала...»

Лепля тоже не предполагала. Он сидел на кухне, чертил даже ночи с суббеты на воскреенье и в воскресенье на поведальник. Лепля спрашивала:

— У тебя, милый, бессонница?

— У меня зуб мудрости.

В понедельник он показал расчет Нестову. Но не потому, что считал Нестова выходящим мостостроителем, нет. Так было нужно, и он как-то сразу понял, что так нужно.

Конечно, если бы Нестов был просто начальником, а он, Потунин, просто подчиненным, все выглядело бы несколько иначе. Но у них были сложные отношения. Еще со студенческих лет.

В институте они не были друзьями. Они учились на одном факультете, но на разных курсах — Потунин на первом, а Нестов на пятом — и полсеместра вместе в институтской лодке. На общенинженерских вечерах сразу после торжественной части на сцене выступали их самодеятельный коллектив — хор студентов и преподавателей Московского ордена Трудового Красного Знамени инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева. Нестов был солистом. Нестов выходил на правый кулис в секторе ридичке «Обуль», в синем шелковом жилете с шарнированными перусными корабляком. У Нестова здорово вышло. «Верстка, я вас всех сосчитал по одной». У Нестова был драматический тенор очень редкой окраски. У Потунина голоса не было. На каждой репетиции руководитель их коллектива. Большая солистка императорских театров Ванда Львовна Кнш ломала руки, почти плакала: «Геночка, голубчик, ну нельзя же так! Вы поете жеманно, и почему здесь си-бемоль, когда здесь чисто ля!»

Потунин был перекорником. Потунин начинал Ванду Львовну, ее тонкие ручки, всегда с пуговицы минимором, ее интеллигентный голос, старинную брошку на груди. Все ее замечания казались ему обидными и незаслуженными.

Может быть, Нестова хвалили еще и потому, что Нестов был дипломником. В институте говорили, что Нестов — большая голова и работника.

Будто бы он на четвертом курсе Нестову предлагал аспирантуру на ставных конструкциях у самого Стрельцова, но он почему-то отказался; весь институт обсуждал, «почему». Короче, Нестов уже тогда был знаменитым.

Так получилось, что через пять лет Нестов стал доктором наук и, кроме прочего, руководителем дипломного проекта латинусника Потунина, бывшего своего коллеги по институтскому курсу.

Дипломный проект Потунина назывался следом: «Комплекс: типовая столовая на сто пятнадцать посадочных мест и магазин полуфабрикатов «Кунжарка».

Конечно, в том, что после защиты Потунина оставили в Москве, распределили в мастерскую к Нестову, не было ничего удивительного: Нестов похлопал за своего способного дипломника. У них уже определились каменито-сложенные отношения, кака-то взаимная заинтересованность. Они никогда не вспоминали свои студенческие годы, репетиции, Ванду Львовну. Они стояли теперь на разных ступеньках. Между ними крутилось слишком много свателств. Нестов был большим начальником.

Темой же быстрой и сухой, но уже исчерпанный деловым жемлом, всегда в прозрачных нейлоновых рубашках, Нестов похаж на свежее-зороженного шпыленка в цоулофановом мешке. Все называю его академиком, хотя официально не семья последних выборов он баллотировал в члены-корреспондента. Но, наверное, это слишком длинный титул — плаки-корреспондент Академии строительства и архитектуры. Прото академик короче и солиднее.

Академик просмотрел расчет, перепечатанный Адой Борисовной, задал два вопроса и все понял. Ему не нужно было долго объяснять. Он сказал: — Можно патентовать, Потунин. — И слово с сожалением: — Вы умный человек.

Умный. Не родился умно, родился счастливым. Геннадий Потунин — счастливый человек. Есть такие люди. Все его жизнь, все его тридцать три года — монумент человеческой удачи. Десять лет школы — золотая медаль, тридцать институт — диплом с отличием. Конечно, сейчас смотришь на эти трофеи свысока. Но все-таки.

Он работает инженером восемь лет. Он уже не просто инженер и даже не старший инженер, он руководитель группы.

Всезнающий Илья Данилович, шеф-инженерный главный специалист, но не талантливый, а все еще только способный инженер, сказал:

— Красивая женщина всегда уверена, что она красива. Поверьте мне, я кое-что в этом понимаю. Ее нельзя упрекать, мы сами даем повод красивой женщине. А талант как красота. Зачем обижаться на Геннадия Петровича, если Геннадий Петрович уверен в своей талантливости?

« Конечно, Илья Данилович не совсем прав. Если бы кто-нибудь взялся объяснить ему был лишник слов и доходящий: видите ли, у Геннадия Петровича редкое сочетание — инженерный талант с дипломатическим уклоном. Неполнотой Мозанто подобно.»

Суть по асому, совсем бадарых людей нет. Есть слишком тшеславные. В один прекрасный день слишком тшеславный пугается: можно прийти с плохим вромением, но прорче ли кинуться туда, где асфальт?

Вот так вот, дорогой Илья Данилович, пропадают таланты, если уж вам очень нравится это слово «таланты». Человек должен быть настойчивым. Особоенно важно человек тридцать три, через четыре года тридцать семь. Риковой возраст.

Между прочим, Пушкину было тридцать семь, и Маяковскому, и Венюгову... А что сделал твой Ворос не по правилам. Лепичка не была. Быстро. Такие вопросы должны рассасаться к двадцати пяти. Ну, а если они все-таки не рассасались? Они приходят, карабкаются, как старшину по лестнице. Есть ступенька, еще... И, здарсьте, вот уже тридцать три. Можно притворяться дурачком: тридцать три — слава богу. Илья Муромец до тридцати трех сидел на пеньке. Стояло же у своего синего моря мши старик со своею старукой. Легко работать под дурачка. А если ты не дурачок!

Конечно, не дурачок. Геннадий Петрович Потунин — талантливый инженер. Восемь лет назад, в первый или во второй день своей работы, он сделал величайшее открытие: он понял, что в молодых одаренных можно ходить до седых волос. Он всегда смотрел свысока на неудачников. Никто не примет тебя всерьез, если ты — это только ты и на тебе не висит officialная бирка. Что делать, даже не очень принципиальными людьми действует искусство генерала или асдадника. Если ты — это только ты, твои мысли элементарны, как две копии, и вся твоя жизнь со всеми своими

сложностями похода на множество других жизней, как похожи кильки из одной банки.

Что он должен был делать, мудрый Потунин, если все это было ему понятно? Конечно, он нашёл правильный ход. Единственно правильный.

Нестов сказал: «Можно патентовать». Потунин понял. В заявке на авторское свидетельство перед своей фамилией он поставил ещё одну: Он сам выбрал себе соавтора. Соавтором был Петр Николаевич Нестов. Для пробивного момента.

Затем он ждал два дня, и вот его вызвали к Нестову.

В привычной палло духами «Джинсы» и трубочным табаком «Вирджиния». В стенной газете «За новые социалистические города» в разделе «Юмор и сатира» писали, что от академка несет таможенной.

— Садитесь, Потунин, нужно поговорить.

Потунин не знал точно, о чем будет разговор. Потунин мог догадываться, но у Потунине были задатки неплохого дипломата, он начал парировать. Он начал жаловаться: в группе не хватает двух штатных единиц, план в дежонном выражении большой, выработка—пшик. Он так и сказал—пшик. Академка покоробило слово «пшик», академик пожевал губу, выплюнул: — Не надо плакаться, Геннадий Петрович! Ради бога... Я вызвал вас совсем по другому вопросу. Вы знаете, Илья Данилыч уходит на пенсию. Не пора ли вам стать главным специалистом? Вы согласны? Можно было сразу сказать: «Да, согласен». Можно было завизжать от восторга, как автобус на тормозах. Но когда есть дипломатические способности, нужно сказать:

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

Одна полтора назад, в декабре или в самом начале января, когда в Заполярье только с утра чуть-чуть утро, а потом всего лишь ночь, они выполняли спецрейс: Воркута — Норильск. У них была груз — шестидесять ящиков сквамного аммонита, они спешили, но в самый последний момент, когда нужно было выгружать на взлет, тем делом пассажира, парня лет двадцати.

Было у него два чемодана, турист-

ский рюкзак и кожаный футляр, похожий на обложку трубы. Парня посадили в штурманское кресло, включили ему свет. Минут десять делал вид, что не обращает на него внимания. Потом разговорился с Стекловдов, ставшей северной ас Стекловдов, усыпалка такое, что даже расте-рся.

Пассажир начал рассказывать, как будут строить будущие северные города.

Сава Говор, Стекловдова знает эти

Е. ДОБРОВ
ФОТО Г. КОПОСОВА

ГОРОД ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

край! Десять лет отлегал в УПА (УПА — Управление полярной авиации), был на ледовой разведке в Карском и у братишек Лангевых, может кое-что вспомнить, подеяться прошлым, рассказать о будущем.

Но какой пассажир! Этого парня посадили в штурманское кресло, на полном свете начал объяснять такое, что второй пилот Гена Мамочкин заплакал со смеху.

— Значит, вы рекомендуете выражаться в дзенских местах пырками, да? — спрашивал Мамочкин. Почему-то больше всего второго пилота занимала пырка. — Какие пырочки? Фениксовые или, может, фисташковые? Ха-ха-ха...

Нет, зачем же! — удивился пассажир. — Пырки не бредные пырки.

Дальше шло так, что Норильск закрылся. Адуанга отказалась их принять, они просидели в случайном месте ровно трие суток, и все это время воспитанник Московского архитектора рассказывал им про северные города. Как будут строить Таллах, Снежогорск и другие спутники Норильска...

Он выхватывал из кармана черный цапговый карандаш и чертил на чем придется планы будущих городов. Каждый город — дом. На улицах летний климат средней полосы, в центре города бассейн, зимний сад, в бассейне золотые рыбки. На первом этаже магазин, кафе, а там, выше, квартиры балхонов в сад.

Если человек очень хочет, чтоб ему поверили, — поверь. Не можешь — садей вид, чтоб поверил. Надо верить адекватно, а авиация такой завод. Архитектор Сава — так звали рассказчика — говорил о городе будущего Заполярья, о городе-комплексе. Стекло, алюминий, во дворе зеленая трава. Попробуй в полуроту попить с медалью морозом — сорок граусов принять вверху милого мальчика-архитектора и все его фантастические проекты! Попробуй поверь!

Стекловдов поверил. Трое суток Сава рассказывал ему о современной архитектуре. О Корбыле, об Андрее Константиновиче Бурове, о Сааринене...

Они понравились друг другу, в Норильске растаяли артырма, собирались встретиться в городе, вечером поспидеть, потоворить. Но не удалось. В тот же день Стекловдов вернулся домой в Воркуту, там снова повалил грузы, но удивительное дело, все чаще и чаще стало попадаться ему имя города Снежогорск.

О Снежогорске рассказывал городок с Ураа. Потом ребята из Красноярского управления говорили, что будут строить уже на Хантайке город из стекла и алюминия, с зимним садом, с бассейном, с золотыми рыбками. Но никаких конкретных данных у Стекловдова пока нет. Сам он не был ни в Снежогорске, ни в Таллах.

— Вы не знаете, что в Москве насчет этого говорят? — спросил Стекловдов.

Я не знал и признался, что впервые услышал о фантастическом Снежогорске от него. Стекловдов усмехнулся. Не то чтобы снисходительно, а так, с сожалением: дескать летит человек на Север, а с самым интересным результатом не возвращается.

Отправляясь на Север, я совсем не знал, что строится такой удивительный город. Я добирался в поселок строителей Хантайской ГЭС. Это на реке Хантайка. Правый приток Енисея.

О городе-комплексе я не слышал. Больше того, рассказ Стекловдова

не принял всерьез, может, потому, что встал по восточной фантастике отношения скептически.

В тот же день я добрался до Снежогорска. Был морозный день, минус тридцать и ветер. Я не увидел города из стекла и алюминия. Не было зимнего сада с бассейном. Не было золотых рыбок. На берегах Хантайки олеюте буднично светились разноцветные олея самых обыкновенных двухэтажных деревянных домов. Помню снег на шиферных крышах, на окнах алюминия, над домами слышал из всех труб поднимаемые дымы — сразу же потухали.

Сегодняшний Снежогорск — просто поселок. Поселок очень обыкновенный.

По улице, легкая гусеницами, промчал огромный зеленый тягач, по улиц нагруженный фанерными ящиками. На военных парадах в Москве там тягачи выкасают главный калдер, а в снежогорском бездорожье это почти единственный наземный транспорт. Демобилизованные тягачи развозят консервы, стройматериалы, почту.

Начальник строительства Виктор Иванович Борисов — гидроэнергосотлажем. Строил Куйбышевскую ГЭС, потом тепловую станцию в Татарии, но хантайскую стройку считает: ушкательной.

Во-первых, будущая ГЭС расположена на 69-м градусе северной широты. Самая северная ГЭС страны! Строить приходится вечной мерзлотой, при субарктических морозах и ветрах со скоростями порядка пятидесяти метров в секунду. В этой области, по подсчетам синоптиков, из 365 дней только 78 безморозных.

Основные работы на строительстве самой гидроэлектростанции только начинались. Но на Хантайке уже была своя история своей самостоятельности. Например, Малый Крымский мост.

Этот мост построен на антах, при ветрах раскачивается так, что кажется, идешь по гамаку. Малым Крымским его назвали потому, что в профиль он напоминает Крымский мост в Москве. Тот же скажут. Надо сказать, что летом Малый Крымский переименовывается в «Мост вздохом». Долгими ползрыными днями, когда солнце не заходит, на Малом Крымском стоит лирически настроенная молодежь — вздохнет.

Что касается истории, то история пока маловата. Летом 1963 года первые строители разгужали баржи, приехали от устьев реки, раскидали на себе многопоудовые кули по отсынным каменистым берегам Хантайки. Было полярное лето — ни дня, ни ночи пот в тень командирский тул. Можно спросить старожилов или тех, кто приехал на Хантайку недавно, — строителей Василия Тищенко, или Геннадия Васильева, или инженера Александра Буссе — о первых днях строительства расскажет каждый снежогорец.

Они сами дали название будущему своему городу и сами написали об этом песню:

Мы развиднем
Завывающий лес.
Мы построим
Хантайскую ГЭС.

Во энергия необходима для Норильского горно-металлургического комбината. Хантайские киловетты — это тысячи тонн никелевой и другой руды.

Хантайская ГЭС будет построена, и как только все ее агрегаты ступят под промышленную нагрузку, погорители Севера, авторя песни о Снежогорске, зажгут свои удивительного

города, о котором я услышал от Стекловадова, а Стекловадова от архитектора Саши.

С автором проекта Снежногорска (он сейчас учится в аспирантуре Московского архитектурного) мы встретились в Москве, как только и вернулись с Севера. Его зовут Александр Иванович Шипков.

Пять лет назад, окончив архитектурный факультет, Саша Шипков поехал в Западную Сибирь, в Норильск, вместе с архитектором Яковом Карловичем Трушниковым начал проектировать Снежногорск. Сначала думали сделать город из нескольких зданий, все задумано соединить газометри.

Расчеты вариантов показали, что комплекс в одном объеме выдвинут.

Каким видит Снежногорск архитектор Александр Шипков?

О, он может рассказать о своем городе! Это будет настоящий город будущего, город-комплекс с удивительным садом шириной в 24 метра.

Длина города — 180 метров, ширина — 42 метра, высота — 6 этажей. На первом этаже школа. В школе четыре первых класса, в каждом класс по десять человек. Там же детский сад на девятноста персон, магазин, кафе. На третьем, на четвертом и на пятом этажах квартиры. Совсем так, как говорил Стекловадов, — балконами в сад.

Пройдет всего несколько лет — в западной тумане исчезнет город из стекла и алюминия. Средств планировки на многие километры будет свисать сквозь стекающий торец зимний сад. В саду бассейны, спортивные площадки. Опять реглам в тумане, соразмерный, интересный, современный комфорт на шестидесяти девяти параллелях. Все это мечта и не мечта.

Город-комплекс — задача. Много сложилось с фундаментом многоэтажности с кровлей. Но проект много продуманный. Предусмотрены даже такие вроде бы мелочи, как городская фабрика-завод мастеров, любителей самолетов. Есть зал для бейсбольных, спортивных площадок, рингоулов. Не забыли также проката бытовых приборов.

В каждой квартире будет своя кухня, но в обратном направлении — запроектирована городская столовая с выдачей обедов на дом.

Архитектор Саша Шипков уверен, что Снежногорск будет построен быстро. На второй год можно кончить отделочные работы.

— Главное — максимум удобства. Глубокая планировка квартир. Саша выхватывает из кармана дизайнерский карандаш, кладет на колени планшет, чертит типичную снежногорскую квартиру.

— Саша, вы легка Стекловадова знаете?

— Саша морщит лоб.

— Вроде бы не знаю...

— А на мусу Каменном ты был?

— Нет, не был. Я добирался в Норильск через Красноярск по Енисею. А что?

— Да так, ничего особенного...

Конечно, мало ли на Севере архитекторов! Мало ли строит на Севере городов! Стекловадов встретил другого архитектора. Теперь по всей западной тумане говорят о новых городах. Говорят, спорят, и значат. Действительно скоро будут построены города северного типа. Настоящие города будущего.

СНЕЖНОГОРСК — МОСКВА.

УСТАВА

Мы говорим про наше время: «атомный мир», «эра полимеров», «эпоха сверхскоростей». А для меня самым емким образ времени — мой завод, хотя мы не выпускаем ничего экономического, просто делаем электромоторы. Да дело в производстве.

Вот уже 15 лет хожу я на завод Ямька — токарить. Смотрю, как спешат по утрам к проходной девочки, мальчишки — мои товарищи, как идут к заводским воротам по той тропке, на которую в 1918 году убили камам ленинской крови, пролитой врагами. Идут в цеха, где создавала первые комсомольские ячейки наша Люся Лисинова — революционерка, погибшая в баррикадах.

В екаминском цехе висит сейчас щит: «Здесь работает бригада коммунистического труда имени героини октябрьских боев 17-го года Люси Лисиновой».

Наве не символично? Ям прототипа тропинка в 17-м, 18-м, и мы идем по ней.

Мои товарищи — трудовые люди. Если ты работаешь на заводе или фабрике, если уезжаешь из дому к первому автобусу или первому поезду метро, значит, ты мож встреть их, москвичей, ребят из нашего цеха. Санту Тольского, Колю Чапурина, Васю Фомина... Может, ты толкался с ними на ходу по футбол или шахматы (Чапурин и Фомин у нас великие любители), может, ты читал из-за плеча газету в Сашинной руке, а потом они, так же как и ты, шли в свой цех, получали наряд, становились к станку... Мои товарищи — рабочие, как и я. Общаме ребята. Когда я смел думать, на товарищ-карусельщика Санту Тольского, а думаю, что вот так же, аккуратно, толково, прочно, как сейчас обрабатывает детали, строил раньше Саша новый город, Норильск, и так же, наверное, по-доброму, несуетно и точно разбирал его руки оружен, когда он служил в армии.

А Вася Фомин — шустрый, карагазый крепшн, вечно полнущий техникеским идеями, Вася Эзрака, он любит делать то, что ему интересно. Но что ему интересно? Вот в этом слом. В моем цехе, на моторосборочном участке, стоит специальная ванна для подогрева подшипников. Когда надо ванну загрявляешь, то, чтобы почистить ее, приходится разбирать всю ванну; времени уходит много, и хлопот было немало. Но никто, даже из тех, кто тут работает, не догадывался, как можно выйти из положения.

А Вася догадался, зота, между прочим, он к этой ванне никакого отношения не имел. Так, мимоходом. Ходил мимо, ны и остановился, посмотрел, предложил сделать это в ванне вставшим. Ну, что за факт! Малая рационализация, мало ли таких на любом производстве! Какое это имеет общественное значение? Нет, это как посмотреть...

А Вася наш так часто поступает. Он на заводской статоров предложил рабочимном моем производственной конструкции дельника из жести, лезвия из стали, а то раньше весь нож из стали был; как стоится, весь скребок вместе со стальной державкой выкладывал. Вот Вася и решил, что на державку можно вместо скребком, рассудка по-хозяйски.

И я думаю, что вот такое же ощущение своей работы на заводе как главного, важного дела жизни есть у них у всех, у ребят из нашего цеха. Помню, как же, себя, себя, Александр Александрович, когда у нас в антебье вышло вентиль из трубы, снабжающей печь музотом. Музот понался в подачу. Рядом горение печи — опасность пожара... Было два пути: выключить печь, привезти музот, работать живым целого цеха на его вентиль, или вернуть вентиль, но для этого спуститься в подачу, уже напавший музотом. Хазов взял и вернул вентиль и сделал это. Кстате, его влезло вези за завалом, напротив, ему говорили о риске. Но у него есть свои жизненные принципы, он им следует.

Еще об одном человеке хочется упомянуть.

У нас есть старший мастер Александр Тевкин. Я помню его, когда он еще токарем был, учился в техникуме. Нам привезли новый шлифовальный станок и решил его поставить в самый дальний угол. Все это удавалось бы, если бы не те тонкие станки к шлифовальному, да и подсобнику длинная работа. Тевкин стал возражать. В цехе ему сказали:

— А тебе-то что? Ты-то не подособишь! Лезешь в неперспектив из-за мелкого дела.

Тевкин сказал:

— Нет мелкого дела, есть бракованые люди.

И пошел к главному инженеру. Проврался. Приватил главного инженера в цех, и поставил станок там, где нужно. (Между прочим, сейчас Тевкин у нас секретарь парторганизации межцеховоронного цеха.)

Нет, мои товарищи по заводу не совершили на мой памяти героических поступков, и все-таки они герои нашего времени.

Я рабкор уже несколько лет. И с какими только людьми мне пришлось делаться на этом заводе! Вот однажды стала мне известна история Анатолия К. Он работал мастером ОТК на машиностроительном заводе. Как-то получает он в конце месяца зарплату бракованных деталей на контрольно-защиточный. Начальник цеха и начальник участка — уговаривают. Но, пропusti, чего там! Месяц кончим, план перекожем, премию получим, а потом мы эти детали сами же и попарним. Анатолий сам «Нет!» И стало ему трудно жить; то один вагончик, то другой. Под копеш с работы сыты новылись. Восстановился по суду. Намучился, набегался. Перевели в другой цех. Проходит год. И опять к нему поступает бракованный партия, и опять к нему идет начальник цеха. И опять Анатолий говорит: «Нет!» Это у человека принципы! А то ведь есть и такие «борцы», что весь свой гражданский пыл толкал в куралке, с огадой обрабатывающий.

После сентябрьского Пленума райкома нашего завода Н. Ратников, Д. Егоров, В. Айдарханов и другие товарищи выступили инициаторами всеобщего экономического рейда под девизом «Мы — хозяева производства». Сами эти товарищи работают на инструментальном цехе, ны и покритиковали там кое-какие неоналадки. Администрация цеха осталась недоволен: выносить, мол, сор из избы. Привлечено даже главному инженеру вмешаться, чтобы не была подавлена хорошая инициатива рабочих. В. Е. Ленин в 1918 году говорил: «Творите свою революционную работу! А революция — это всегда борьба. И эта борьба продолжится. И тем, кто борется, идет революционный шаг».

Очень часто борьба эта не кем-то, а с самим собой, с чем-то в себе, что лишает тебя невольности, полной честности, гражданского отношения к жизни. И как нужным здесь подлинное товарищество, истинная дружба!

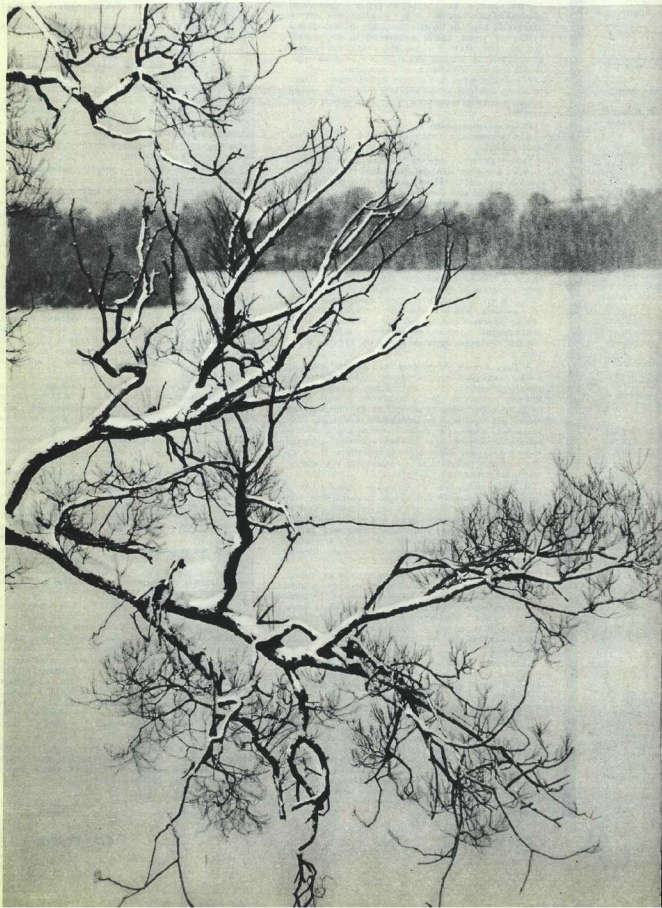
У меня есть две знакомки: Коля и Вера. Когда я смотрел плесу Арбузова «Иркутская история», так думаю, что это про них. Вера плохо жила, к людям относилась какичужие, с недоверием, итаким, что ее когда-то обманули, сильно обидели. А Коля был крепкий парень. Добрый, сильный, душевно связанный человек. И он ее заставил взглянуть своим порядком. Вера и утратила сталь, и на крайне отлучиле работает, и мать сама всякая, и жена... У нее новая жизнь. Я думаю, что, когда речь идет о скрытых резервах, надо не только о техническом, но и о человеческих резервах мыслить.

Помните тех кузнецов, которые по крупнее собирают золотую руду? Так из будней и праздников моих товарищей складывается рисунок времени — сложный и прекрасный его узор.

А. КУБЕРЕК,
токарь завода имени Владимира Ильича.

АНТОНАС АРИЛИНГА... МОЛОДОЙ ПОЭТ, ОДИН ИЗ МНОГИХ,
ШИРОКО ШАГАЮЩИХ ПО РОДНОЙ ЗЕМЛЕ.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» В БИБЛИОТЕЧКЕ
ИЗБРАННОЙ ЛИРИКИ ВЫПУСКАЕТ В СВЕТ
СБОРНИК ПОЭТА.
ПРЕДИСЛОВИЕ К ЭТОМУ ИНТЕРЕСНОМУ СБОРНИКУ
НАПИСАЛ ЛЕВ ОЗЕРОВ.

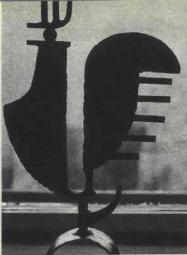
Я СЧАСТЛИВ Ж

ело было в студенческой аудитории Вильнюса. На трибуне стоял добрый и улыбающийся Антонас Дрилинг. Чувствовалось, что студенты его хорошо знают и ждут его выступления. Он неторопно сказал несколько вступительных слов, раздались дружные аплодисменты, и начались стихи.

Христианский сын Антонас Дрилинг был еще мальчишкой, когда Литва стала советской. Антонас получил высшее образование, стал журналистом и поэтом, его избрали членом ЦК Комсомола Литвы.

Литовская поэзия, емкая и многогранная, известна далеко за предела-

ми своей республикой. В современной литовской поэзии все увереннее звучит молодой голос Антонаса Дрилинга.

Поэзия Антонаса глубоко национальна и вместе с тем глубоко современна. Поэт горд за свое поколение, усвоившее революционные традиции отцов. Дель, совершаемые молодежью, видятся ему значительными и героическими.

Если говорить о главном звучании поэзии Антонаса Дрилинга, то в его стихах преобладают гражданские интонации. Он откровенно публицистичен, возмущен, духобольствен. Его стих упруг и не терпит прикляничности, изменчивости, округлости. Он

хочет во что бы то ни стало радовать читателя, и это получается у него естественно и убедительно. Есть у него и раздумья и, если позволено будет сказать, минор, когда на ясный лоб человека тихо наплывает облачно грусти. Антонас Дрилинг тонко чувствует природу и искренне и непосредственно передает в своих стихах нежность и теплоту человеческих отношений.

Но все это тает в тревоге о судьбах мира, которая более всего владеет сердцем поэта. И тогда во весь рост поднимается перед нами поэт-гражданин. В поэзии Антонаса Дрилинга звучат и лирические флейты и маршальские голоса фанфар.

ИТЬ

СЕГОДНЯ

Высота

Я здесь постою.. Мне нравится
Смотреть, как в синий простор
Провожают мощные лайнеры
Вечерний аэропорт.

И как земные и чинные,
Но ушедшие туги небос,
На земае остаются мужчины
Ждать своих стюардесс.

Возвращайтесь скорей, стюардессы,
Зову земаму вменя,

Сия спокойной женственностью,
Опускайтесь на синию земаю.

Привезите тоску и раскованность,
В глазах — прозрачность рассвета,
Нежность облаков и в голосе —
Теплую песню ветра.

Ведь нам не всегда удается
В суматохе земаых забот

Узнать настоящее солнце,
Понять притяженье высот.

Несудне зов пространств,
Тревожа земной покой,
Прилетайте! И, может, кому-то

Вы станете высотой.

из вас

Перевод Маргариты МАЛЬКОВОЙ

Стихи о матери

Мне ветер времени плеснул в лицо,
Обжег мне сердце утром рано.
Заблал я деревяное крыльцо...
Мама!

Я забываю часто про тебя,
Про отчий дом и старые мотивы...
Ты времени доверила меня,
А время сыновей с дорогами
сроднило.

В потоке радостных забот
Стремляюсь свои поступки взвесить.
Не ты меня встречаешь у ворот —
У лайнеров встречают стюардессы.

Все некогда увидаться с тобой,
Но иногда минутой урмаю —
Трусь о ладони матери щекой
И радость встречи в муку
превращаю.

Для оправдания слов не нахожу —
И снова в мир огромный ухожу!

Перевод Льва ДУБАЕВА

Улица

Посмотрите на план города
И найдите мою улицу.
На ней еще нет деревьев,
И лицами некогда вить твезда,
И молодая трава
Выраста не успева,
И тротуары пахнут
Еще не остывшим асфальтом.

На свежем песке у подъезда
Шумно играют дети,
А вечером в ярких окнах
Целуются молодожены.

Еще голубей шумяет
Свежая краска балконов,
Еще упредом не повесила
Дощечка с названием улицы.

Ее еще нет на плане
Большого нашего города,
Но скоро на этой улице
Мы будем справлять новоселье.

Перевод Маргариты МАЛЬКОВОЙ

П а р и и

Париям у платины жарко,
С парней пот градом:
Не шутка тмсячя ярких
Из Волги выгнуть радуг.

Чтоб этим третьим народом
Девича мого хвалиться...
И ярко с платиной рядом
Улыбками светится лядя.

Я самшу ритм ударный
И вижу, как в долине
Идут беспокойные пария,
Идут по размокшей галине.

В пустыня дороги врезав,
Сопялись молодые и седьмые,
Саружило их железо
У Братска и у Мирного.

Что им, упредам, трудности,
Препратности непогоды,
Принявшим в наследство юности
Семнадцатого года!

Бездонная глубь Галактики,
Антарктики стужа лютая —
Вот область высокой романтики
Октябрьской революции.

А революция — это
Построенные платины,
Вымпел на Аладомеде,
Флаг на дрейфующей адыне.

В минуту опасного старта
Попяды у века не просим.
Поправки в земаые карты
И в звездные атласы вносим.

И смотрит мир восхищено —
Чеканят на все времена
Стройки и космодромы
Наших ребят имени!

Перевод Ивана РЫЖИКОВА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Со страниц нашего журнала мы часто обращаемся к подросткам, пишем о них и для них. Подростковый возраст называют «трудным» не зря. Человек начинает вырастать из своего детства, как вырастает из палыто. У него появляются новые требования и мысли и новые обязанности. Жизнь ставит перед ним бесконечные новые вопросы. Невозможно дать на них универсальной, единой, рецептурной ответ. И потому журнал ведет обсуждение на номера в номер, стремится в споре, в расказах об опыте работы с подростками наметить слабую лишью отношение к «трудному возрасту».

Открыл разговор Б. Рапопорт очерком «Улыбка ждет хозяйку» (№ 13 за 1965 год), затем выступил с корреспонденцией В. Левашев — «Отряд поднимается по тревоге» (№ 17 за 1965 год). Их размышления и споры продолжил очерк Э. Дочкаевой «Трудница» — величина постановки» (№ 3 за 1966 год).

В этом номере мы продолжаем обсуждение актуальных проблем воспитания подростка.

душевных — все взято в «нодле» на воображение, и все изуродовано до неузнаваемости, часто «приблитоно». Мальчиш, оставшийся на пустыре в том южном городе, — едкая с плак, которую «нодла» платит за свои пристрастия о ценностях мира, о бесценности (дешевле) одной жизни, личности.

Плечи «нодлы» на какие-то особенные «свертующие» дети. Это мальчиш (иногда и девочки), которые учатся в школе, техникуме, работают на производствах, занимаются в вузе. То есть большинство из них официально «прописаны» в дождик, «нормальное коллективе, который, как мы любим говорить, должны мотивировать на них».

Но, увы, чаще всего эту свою повинность «официальный» коллектив несет в виде оброча, формальным словесным проповедям.

О поваях «нодлы», порой граничащих с уголовными, создана уже целая литература. Читатели и видные соборный заставить «нодлу» «перевороты» на оралах... Волгоград, Подмосковье, Сахалин, Тула...

Но можем ли мы занести от благоговейности (а ведь это она, ее узнал ладонью) даже очень хороших людей? Разумеется, я вовсе не веку речь и тому, чтобы зачеркнуть преирасульского порока сахалинского и тульского «Маякреню». Честно ни и слава! Это счастливые особым, высокие счастья люди, даже зачастую мученики своей идеи. Но, признавая все это, я убежден, что мало, и что это вовсе не кардинальное решение, и, наверное, рядом с отрицательными «Искателями» в Уле, Орле, Капуге, Кирове, Ярославле гуляет все та же «нодла», и горев она ищет среди своих сверстников.

Обидераспространенная обидка состоит, должно быть, в том, что мы проявляем как бы двойную неискренность: относимся и подростку на словах, как «к большому», а на деле — как к мальчишке. Двойная неискренность и доверие как к личности, но не улавливая к часто не верим, что человек четырнадцати — шестнадцати лет уже личность, а не «мальчишка», не «чиряки».

Как же ему не любить улицу — место, где он — равный среди равных — может найти уважение, признание, даже своего рода славу? От неудовлетворенного отношения подростку, особенно «трудному», и родился, по моему, этот рецепт: непременно ну-

Элла ЧЕРЕПАХОВА

ОНИ И МЫ

ДРАКА НА ПУСТЫРЕ

НАПЕРЕРЕЗ МАЛЬЧИКАМ С «ФИКСАМИ»

«ВПЕРЕД ЧЕРЕЗ НЕВОЗМОЖНОЕ»

ЭТО ТОЖЕ ДЕЛО НАУКИ

Романтики с «фиксами»

Синий летний вечер, сладкий, будто на липовом меду настоящей липовой южной ночью под темными пыльными деревьями городского пустыря умерла парочка.

— Вот ведь ляко: идут «стенка» на «стенку», — сказала молодой оперуполномоченный, приехавший на место происшествия. — Стыжасете две улицы... мин два дома, два двора... Ребята, конечно... Видите, здесь ювелиры дрались! — Он осветил кусок пустыря фонариком.

— С чего ж «стыжасете»? — С чего? Спросите, что полегало... Побил ного с одной улицы — вторая и встала. Мин две улицы!.. А глупое, романтика!

— Вот вы ж за слова иди болелет — с горячо воскликнула молодой оперуполномоченный. — А вам повторю: да! Романтика! Романтика юдлы! Знаете, что это — «нодла»? — Мальчишка из подворотни с «фиксами», в лепючках, насунутых на глаза. Мальчишка, из-за которых по улице бывает страшно вечером ходить.

Романтика! Трудно поверить. И все-таки поэне я поняла, что в чем-то этот оперуполномоченный был прав.

Все исконно мальчишеские добродетели — благородная жажда справедливости, дружеской солидарности, любви к тайне, неодолгая потребность узнать меру своих сил, физических и

жен взрослый опекун над ребячьими отрядами. А между прочим, Тимур и его команда умеют сами себя организовывать и занять. И неплохо получалось! Кто-то не проры поправу? Современную молодежь легкой жизнью. Но чем же она легка! Разве мало участвуй они в работ (часто и участвуй и работаю) наши парни и девушки!

Разве они, как говорится, «ра себя едят? Нет же! Лично моему, начавшемуся там, где раньше мой девушка живет на Буксире, на поводе. Чувствуя младенческое пустыню, они освобождают себя от необходимости индик-либо общественной активности. А несколько раз позиция чаще всего созерцательная. Их «всем миром» порицать и «всем миром» действовать, но повода не отпускают...

К чему я веду? В чем вижу выход? Попробую ответить на этот вопрос, разговаривая с несколькими из главных, действующих ребят из Красноарска. Не вообще ребят — в городском масштабе, а нескольких из тех, которые и действуют в районе проспекта Свободного.

Внимание, диссертанты!

Если попытаться сформулировать, спрашивается в кратком изложении сути их поисков и радость первых находок, то можно, пожалуй, сказать так: они пытаются изменить ИА. УЧНОЙ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Жизненный путь Бориса Шаховского сложен, трагичен и оптимистичен. Это путь солдата и поэта. Воспитанный комсомолом, он с четвертого курса института ушел добровольцем на фронт. На фронте Шаховский стал поэтом. Его лирический герой соединяет героизм и поэтический идеал.

...Кого-то вычерчен неслышно
Вот этот хуракий дон.
А ведь никто из нас не
Мыл все любимым и нужным.

Строки о войне В. Шаховского насыщены глубокой мыслью, серьезным чувством. Они неслины слыны с мыслью и чувством его поколения. Поэт рос и мучал со своим ровесниками, товарищами по оружию — потому так убедительно переживались в его стихах и великая картина войны и предлогая рядовой бойца.

В новой книге Бориса Шаховского «Утренный прибой» («Современник», писатель», 1965 г.) самая сильная глава — «Облакунытия быды» — стихи о войне.

Содатское сердце поэта живет не только воспоминаниями о войне. Отключены солдатские быды, начались гражданские будни. Нужно жить — значит, сражаться, работать.

Долгие годы Шаховский живет в Басини, среди рыбаков, будни которых наполнены трудом не менее значительным, чем подвиг. Этой мысли он подчинил строки, детали своих новых стихов. Выстраданные строки звучат глубоко, подчас афористично:

БОРИС ШАХОВСКИЙ

Величе дел и подвигот
Теперь виднее нам likelihood.
А бесстрашных
Переживает в бронзу на века.

И тем более досадно, что в этом новом сборнике В. Шаховского, как и в предыдущем («Опыт» вернувшегося журавля» («Молодая гвардия», 1956 г.), остались слабыми «продольные» стихи, держатся разрывы. На одной двух поэтических находках: Риторичные декларативные некоторые строфы поэмы «Облакунытия быды». Очевидно, основной жанр Бориса Шаховского не только поэтическое поэтово, а короткое лирическое произведение.

Оптимально гуманизм своей поэзии В. Шаховский черпает в духовной силе здоровья рождением нравственной силой создателя.

Читатель сборник стихов Бориса Шаховского и чувствую, как стремится пот передать эту душевную силу читателю. Хочется, чтобы стихи В. Шаховского были внимательно прочитаны молодежью, потому что молодому нужно учиться на больших и трудных человеческих судьбах.

Л. ВАСИЛЬЕВА

Владимир
ЛИФШИЦ

КАК НАПИСАТЬ ПАРОДИЮ

дникам утром вы продираете глаза с желанием написать литературу пародию. Нет ничего проще! Наказывай, вы садитесь за стол и наугад открываете сборник приглянувшегося вам поэта! Достигли, вы внимание припадает такая строфа:

Я спал на свежем клевере, в телеге,
И ночью вдруг почувствовал во сне,
Как будто я стремился куда-то в беге,
Но тяжести наполнит ноги мне.

Сто! Больше ничего не надо. Можно приступать к сочинению. На чем спал поэт? На клевере. Где спал? В телеге. Что он почувствовал? Как будто бегает. А еще что? Тяжест в ногах. Прекрасно! Ваня задумал — дожди его до абсурда. Ваня свернул/а — дать понять читателю, что в телеге он спал бездельно. Если же вам удастся при этом наизусть, что ни в чем не по-новинный поэт ставитесь да к тому

«Примому» завивания К. Ващенко, как четверостишие использованы в данном руководстве. — В. Л.

ПОД МИКРОСКОПОМ — ВРЕМЯ

ПАРОДИИ

Александр ИВАНОВ

КРУГИ У ОКНА

(Константин Вашенкин)

Когда от умышленной работы
Тогда ни раскодаются круги,
Я не хочу покоя — что ты! —
И обуюе сапоги.

Когда повиснет на реснице
Скулая алмазная слеза,
И оцующе в поисские
Необходимость выпить «эза!»

Пойду, заглядывая в окна,
Пугая спящих голубей,
И со себя в затылок мчую
Я со словами: «Иа родей!»

Пусая-на все поэты в мире
С мох попутается — о да!
Недаром ведь журчит в эфире:
«Вода, вода, кругом вода».

Хамелеон, который стал верблюдом

Известен любительный случай, когда из-за ского значения слова художником изображали совещание не то, что требовалось. Жертвой лингвистки стал известный флорентийский живописец Паоло Учелло. Современники, оценив его творческие таланты и итальянского Возрождения, как Мазаччо и Донателло, Паоло да Дово, прозванный Флорентийский живописец Паоло Учелло. Современники, оценив его творческие таланты и итальянского Возрождения, как Мазаччо и Донателло, Паоло да Дово, прозванный Флорентийский живописец Паоло Учелло. Современники, оценив его творческие таланты и итальянского Возрождения, как Мазаччо и Донателло, Паоло да Дово, прозванный Флорентийский живописец Паоло Учелло.

Д. АРНАБЕВ

еще не нечист на руку — считайте, что пародия получилась. Способ доказанная асией поэтической мысли до абсурда является несложно. Самый распространенный (см. пародии В. Жекуле) — отключившись от какой-нибудь стихотворной детали, непрошеного подобием деталей как можно больше. Вы помните, на чем спал поэт? На клевере? А вы садитесь так:

Я спал на свежем клевере, на кашке,
На тимфеофее и на осине спал...
Правда, смешно? А можно еще смешнее:
По мне полней различные бунашки,
И маякский нуно не молзи щекотал.
Дело сделано! Поэт выходит уже довольно грубо. Но можно было бы усилить пародию и другим образом — по-своему объяснить причину столь крепкого поэтического сна.

Я спал на свежем клевере, на кашке,
На тимфеофее и на осине спал,
И в результате вылитой ромашки
В нечестности я тяжесть ощущал.

Хоть вы и жилиши: бунашки и колоритного маякского груза, зато сообщите читателю, что поэт наизусть. Это важно!

Ну, теперь вернемся к тому, что испытывать в ногах тяжесть, поэт во сне не худит, что поэт наизусть может бегать лиризатор и наугад и во сне! Меню кунал. Пародии I. Сопоставление «Ваня» и «Ваня» — это смешанный устал. Поэтому смысл пародирования свое сочинение таким двустишием:

Ворачуся все noch в зеленой массе,
Стремился я за гонатором и массе!

При желании можно присочинить стихов из того, что прокудились, поэт обнаружил себя вовсе не в телеге, а в «Волге» или, еще лучше, в собственной «Волге», которую ни в коем случае, на поэтические гонаторы не купил!

Вот и все. Остается попросту художественно издать пародированное и опубликовать.

Означит, что эта пародия, сочиненно по-другому. Но она не хуже оригинала, потому что пародированное и опубликовано собственным талантом и вкусом.

ЗАДАЧА

ЗАДАЧА

Александр КОТОВ

апреля за шахматный столик на сцене Московского театра эстрады сидят Тигран Петросян и Борис Спасский. Кто из них победит в утомительном двухчасовом сражении? Все шахматные знатоки мира изощряются сейчас в предгазанах, сравнивают шансы, ищут доказательства неизбежного торжества того или иного противника. Но кому дано это знать?

Попробуем отыскать историческую параллель, может быть, она нам поможет.

Искусный вратарь автоматически занимает позицию, наиболее выгодную для принятия мяча. Данное природой и развитое практикой, чувство мяча помогает вратарю отражать удар в наиболее выгодной для себя обстановке.

А разве не то же самое наблюдаем мы у боксеров, фехтовальщиков? Способность заранее чувствовать

опасность, предупредить ее задолго до того, как она станет реальностью, во многом помогает и в шахматном бою.

Шахматисты в той или иной мере наделяны чувством опасности, хотя встречаются и такие, у которых оно находится, так сказать, в эмбриональном состоянии. Признаюсь, что к их числу в первую очередь следует отнести автора этих строк. Сколько партий было мною проиграно из-за слепой беззаботности! Бывало, довольный и улыбающийся, расхаживая я по сцене, а на доске уже готовится смертельный удар.

У Котова абсолютно отсутствует чувство опасности, — сказал как-то Михаил Вотицкий, а уж он-то, как никто, знает шахматистов.

В одном из ответственных матчей капитан нашей команды по моей просьбе, когда я прогнулвался по сцене, повторил:

— Твоя позиция безнадёжна. Все гроссмейстеры говорят: безнадёжна.

В этот момент у меня была ашшняя пешка, но такая профилактика была весьма полезной.

История шахмат знает и людей с другого полюса, у которых чувство опасности развито в значительной степени. Общепризнанные лидеры в этой области — Хоае Капабланка и Тигран Петросян. Эти два корифея предвидели опасность еще тогда, когда другой на их месте и не шелохнулся бы. Капабланка умел распознавать самые неуметные угрозы, предупреждал инициативу противника в самом ее зародке. Упрямца позицию, он сводил на нет острый бой. Сколько раз талантливый шахматист «оборуживал» Капабланку, вовремя распознавший замыслы врага и принявший самые радикальные меры!

Как же обогреть такого противника? Как отнять шахматную корону у виртуоза, умеющего предупре-

дить комбинационные осложнения задолго до их возникновения? Проститься с руководящей бей? Гусевать? Жертвовать? Долгие годы провел в раздумьях конкурент Капабланки Александр Алехин, отыскав наиболее верный путь победы «непобедимого».

Одной бессонной ночью пришло счастливое решение. «Никаких осложнений! — сформулировала слово задумки Алехин — Нужно бить Капабланку его же оружием. Вы хотите меняться, жаждете упрощений, пожалуйста, сеньор Капабланка! Но не надейтесь обогреть меня в позициях требующих техники, я сам в совершенстве ее изучил».

Техника против техники, упрощения в ответ на упрощения. Не бойтесь ничьих, в те же времена держите наготове свое испытанное оружие: жертвы, тактические удары, осложнения. Когда в рамешной тактике Капабланки обнаруживается маленькая брешь, примените энергичная атака, обоснованная, точно рассчитанная, ни в коем случае не безрассудная.

С помощью такой тактики Алехин и победил Капабланку. Тридцать четыре партии потребовалось для того, чтобы выиграл перевес русского шахматиста. Алехин не возражал против серий ничьих, но чаще всего серия обрывалась его выигранием. Потом опять серия ничьих и... новая победа Алехина. Гигантский матч, самый длинный и утомительный за всю историю шахмат. Но какую бурю восторга вызвала победа вторда над техником, художника над рационалистом!

После того, как мы разобрали тактику матча Алехин — Капабланка, будет легче предгазвать возможные ход борьбы Петросяна со Спасским. Но если Петросян до молодечки напоминает легендарного кубинца, то у Спасского очень много от Алехина.

В партии выигранного чемпиона мира редко можно увидеть эффектную комбинацию, хотя и у него случаются жертвы, даже ферзей. Чаще всего эти жертвы точно рассчитаны, как говорит шахматист, «до конца» и не являются плодом интуиции.

Дарование Тиграна исключительно. Достаточно посмотреть, с какой быстротой он оценивает позицию, как уверенно находит нужный путь к победе, чтобы понять всю широту отпущенного ему природой таланта. А если вы послушаете его рассказ обо всех виденных им за доску возможностях, повторите все варианты, которые Петросян рассчитывает за пять часов игры, то поймете, что перед вами есть не кибернетическая машина, то нечто подобное ей. Тигран говорит, что только Михаил Таль на несколько секунд быстрое находил нужный ход и считает варианты, а это высочайший комплимент самому себе.

Петросян — воплощение совершенства в теории шахматной техники, ушедшей далеко вперед по сравнению с техникой Капабланки. В пресс-бюро матча Петросян — Микхалин в 1969 году мы не раз слышали оценки Петросяна: «Эта позиция выигрышная для белых» — и удивлялись, так как на доске стояла теоретически ничейная позиция того или другого известного дебюта. А для будущего чемпиона мира в этот момент все было ясно — так велико его мастерство реалистичности самого незаметного преанализа.

Стиль игры Петросяна встречает немало критических замечаний.

«Скучно так играть, то и дело ты слышишь Тигра! Тигра! Ты привик к этой одежде и смеется спокойно: «Одному нравится музыка джазовая, другой предпочитает симфоническую. Я в шахматах — сторонник симфонии». В распадающихся замках Тигра на нет фантастических выдумок, все подчиняется тревожному расчету. Получил от природы способность ясно, реалистически оценивать действительность, Петросян видел и ученика, также предпочитавшего чтение, ровное поле запутанных джунглей. В Тбилиском Дворце пионеров, где проводил шахматные занятия лучший чемпиона, мастера Виктор Голдидзе и Арчдл Эбралидзе искренне полагались шахматной технике и прививали веру в нее своим ученикам. Изюм такого дружного взаимодействия природы и умей являлся высокотехничной, яснымощной, густо рациональной просессией высшего класса.

О Спасском я уже рассказывал читателю «Смены» как «Смену» № 20, 1965 г. Не буду повторяться. Наоборот лишь, что с детства любил он любить комбинировать за доской, стремился к атакам, тактическим осложнениям. Его поддерживал в этом воспитатель — сначала Владимир Назаров, а затем просессист Александр Толух. Особенно любила на Спасского друга с Толухем, известный своими ошеломляющими тактическими выдумками и свергнутыми до бесцарапности атаками. В юности Спасский уже с дебюта стремился к осложнениям, в его активе имеются дебюты оригинально проведенных атак — самых хитроумных комбинаций. Это стоит хотя бы его партии, сыгранные необычным дебютом — гостем прошлого века — королевская гаммотом.

В наше время трудно одерживать победы в турнирах высшего уровня, если ты ограничиваешься всего лишь общепринятыми методами борьбы. Одной тактики недостаточно. С этим утверждением соглашается даже сам бурый Таль.

Возможно, Бари продолжал бы равнать свое комбинационное мастерство в ущерб технической грамотности, если бы не встретил на своем пути просессиста Игоря Вондаревского. Большой знаток шахмат, Вондаревский сумел уловить стиль игры Спасского, сделал его самым универсальным, самым разносторонним шахматистом наших дней.

Кстати, вопрос о тренерах и помощниках очень важен при подготовке к такому ответственному событию, как матч на первенство мира. Тигра Петросян разрешил его с королевской шпиротой и блеском. К его творческой и практической подготовке привлекал просессистов Юрий Авербах, Исаак Воеволянский и Суэтин помогал Петросю в его историческом матче с Ботвинником в 1963 году. Они проинформировали тогда и умение подсказывать верный дебютный вариант и искусство анализа отложенных позиций.

Сейчас у Борна Спасского лишь один тренер и помощник — Вондаревский, но молодой просессистчер явно в авторитет своего наставника. Утверждает же в этой вере и послужный список Вондаревского: как-никак он был тренером Кереса, Геллера, Спасского, причисляя к своим ученикам в 1957 году волею на шахматный тур. Вудут ли еще помощники у Спасского, пока неизвестно.

Если опытный Вондаревский возьмет на вооружение тактику, придуманную почти сорок лет назад Але-

ксандром мате Петросян — Спасский может напомнить матч Алекси Калибанова: безупречно, согласно на личью, тщательные поиски ошибок неприятеля и энергичное использование этих ошибок.

Могут возразить: Алексис с Капабланкой играли до шести выигранных партий, ничьи в счет не шли, а теперь требуется «влиять» большинство на двадцать четыре партии. Если будущий игрок на ничью, можешь ждать до равного счета во всем матче, а это сохранит корону Петросю. Невверные сообщения в прессе гласят, что в последние четыре партии — дистанция огромного размера, и на ее протяжении может уложиться любая мировая тактика. Одно можно предсказать заранее: если Спасский решит обострить игру во то бы то и стало, его омаждет неудача. Ибо феноменально чувств осласности позволят Петросю заранее распознать готовящиеся козни, а высокая техника даст возможность использовать слабые стороны Алексиса.

Каков счет личных встреч Петросяна и Спасского? В чью пользу итоги турнирных выступлений за последние годы? По утверждению Петросяна, у него перевес в счете всего лишь в одно очко. Если же говорить о турнирных достижениях, то и тут никому нельзя отдать предпочтение. Петросяна подавала простотой первых призов в годы предшествующие его восхождению на трон. Спасский полностью воспользовался его упущениями и выиграл почти все турниры последнего трехлетия.

Равный против равного — такова оценка исторического матча. Разве что в анализе турнира и практически одинаковый возраст участников матча. Петросю тридцать шесть лет, Спасскому — двадцать девять. А ведь именно в этот период матчей достигал расцвета в четвертом десятилетии.

Оба просессистера находятся сейчас в отличной спортивной форме. И Петросян и Спасский придают большое значение физической подготовке.

Два месяца назад я встретил Петросяна в московском шахматном клубе.

— Еду в деревню, — сообщил шахматный король, — за сто километров от Москвы. Пора стараться на деле.

О делах у Петросяна налицо воспоминания. Победил Михаила Ботвинника три года назад, новый чемпион мира сообщил журналистам, что в последние годы матчам уделял больше, чем за предыдущие тридцать три года.

Не забывает о спорте и Спасский. У Борна на вооружении легкая атлетика и плавание.

Отлично подготовленные, вооруженные «до зубов» теорией, выходящие на старт. Теперь главное — воля, выдержка, стойкость. И Петросян и Спасский имеют все императивы эти качества в самых ответственных соревнованиях. Чего стоит матч Петросяна с Ботвинником! А разве не в последние годы классической борьбы Спасский, победивший в прошлом году поочередно таких гигантов, как Пауль Керес, Юрий Геллер и Михаил Таль? Спасский может играть на равном уровне, утверждает, что решающую роль может сыграть инерция, полученная Спасским в этих трех матчах. Спасский, что холдет такту, «склонен» то удержат его очень трудно

(См. №№ 3 и 6 журнала)

Общерное задание участникам нашей шахматной олимпиады — проведение турниров начинающим шахматистам. За организацию успехов турнира с шестью играющими (вариант, при котором играют друг с другом по две партии) участники олимпиады получат 6 баллов, с двенадцатью шахматистами — 12 баллов и т. д. За проведение турнира (или нескольких турниров) при участии 20 и более игроков организатору засчитывается максимально возможное количество баллов и третьим туром — 20. Участники олимпиады, набравшие по 20 баллов, будут отмечены специальными дипломами.

Каждый участник олимпиады может провести турнир в том количестве, где он работает или учится, или же в любом другом месте, где предоставляет или в колхозах, в школе или в учреждении в воинской части или в вузе. Игры на любой олимпиаде по разрешению шахматной федерации СССР будут присваивать участникам турниров, набравшим 23 возможных очков, метровой (первичный) разряд. В отдельных случаях, если будут присваивать значимые шахматные партии, особо отличившиеся шахматисты могут рассчитывать на получение более высокого разряда. Каждому участнику турнира будет выслано разряда по шахматам, будет выслано соответствующее удостоверение.

Письма с официально заверненными итоговыми таблицами на третий тур олимпиады разрешается посылать в нашу редакцию не позднее 31 мая 1965 года.

Красиво! Не правда ли?

В начале матча на первенство мира, ожидая нового творческого взлета просессистера-соревнника, еще и еще раз вспоминаешь достигнутые им на шахматной доске.

Простая и чистая «Смена» проанализировать несколько выигранных примеров истинно художественного творчества В. Спасского и Л. Петросяна.

I

Перед вами позиция, которая сообразилась в партии Петросяна — Нахман на турнире в Бледе (Югославия) в 1961 году. Капелла бы король черных ни- чего конкретно не угрожал.

III

Еще 12-летним мальчиком Спасский создавал яркие шахматные произведения. Вот красивая финал партии Спасский — Антоном, сыгранной на турнире в Ленинграде в 1949 году.

И уж во всяком случае не приходит на ум, что черю на рух ходов они выигранные будут слышать оружие...

Спасский илично жертвует центральную пешку и энергичными действиями свывает противника ато румяи и нотам. Занюмается и заключительная жертва качества.

Игравший белыми Петросян Областиной жертвой феряи и последующим ходом маневром слона сплет «матюгоу сетью» противника черных.

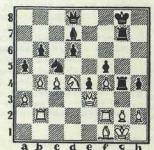
12. d5: d6 13. Cf3 Cc7 14. C:f6 Cf7 15. Kc1 C:d7 16. Kf5 h5 17. Kd4 Kf8 18. Ф:d5 19. Ф:d4 Ф:e7+ Kf8 21. Ф:f6. Черные сдались.

II

Положение фигур после 47 го хода белых в партии Керес — Спасский на турнире в Бледе в 1960 году выглядело так: Петросян играл черными.

IV

Эффектно победил Спасский заветного германского просессистера Шмидта на «Турнире нации» в Варне в 1962 году.

Наласно же, надменно зашнуровав позицию, Белый король сн разрушил смелой жертвой дады. В черной стороне столько ходов, ноизвонидая жертвой феряи форсировал мат.

Играя белыми, Спасский не стал играть вперед за выиграв своего короля и подверг короля противника сформулированной 22. C:d8 Ф:c5 23. K:f5 K:d5 24. Ф:f4 Черные сдались.

Не правда ли, шедевр! Вот такие увидели бы в партиях предстоящего матча!

МОЖНО ЛИ ВЫЖЕЧЬ ЭТИ ДЖУНГЛИ?

Уилт Чемберлен
о профессиональном
баскетболе

«Однажды я сидел в своем номере в одной из гостиниц Сан-Франциско. Но мне поступил. Говорит: «Войдите. Появляется репортер и говорит мне: «Хелло, парень. Ты знаешь, а тебе продать». «Кому?»—спрашиваю. А он отвечает: «Старину Мьюлю». Мне продать, как вещь, и хозяин даже не удосужился сказать мне об этом! А ведь я все-таки первый баскетболист страны!»

Эти слова взяты из мемуаров человека, который считается гордостью американского профессионального баскетбола, гиганта-игрока Уилта Чемберлена. Журнал «Спортс иллюстрейтед» опубликовал эти мемуары в двух номерах, и встречаем они были читателями как сенсация.

Человек, который пролил все баскетбольные рекорды США по результативности, который в течение шести лет подряд возглавлял рейтинг лучших снайперов профессиональной лиги, вдруг заявляет, что ему опротивело баскетбол и он заверил, пока не поздно, переменить карьеру. «Почему бы мне не стать боксером, танцовщиком или не переехать на Сейшлы?»—говорит Уилт.

Естественно, репортеры осаждают Чемберлена и спрашивают, чем вызвано такое решение. Понимая, что он жаждет на боксера — старый гастрол, на то, что ему надоело заниматься в роли «мерзавца, на которого вечно жалуются публики. Но ведь любительских взглядов не страшился ни на ринге, ни на баскетбольном площадке, ни в конце концов на улице.

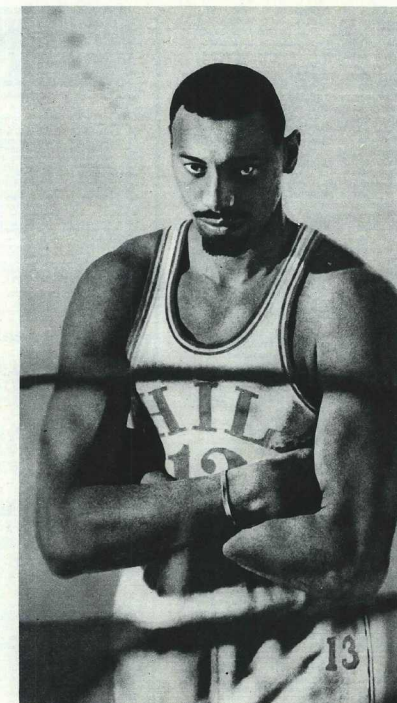
И тогда Чемберлен признается журналисту Воу Оттуму, записывавшему его воспоминания:

«Мне надоела моя жизнь в профессиональном баскетболе—самая замечательная из всех спортивных игр, о которой, однако, подводят мерзкие наторы, царящие в баскетбольных джунглях.»

«Предельно спортивных игроков в США Уилт Чемберлен познал еще в детстве. И прежде всего он привык испытывать на себе расовую сегрегацию.

«Баскетбольных звезд ищут повсюду — даже в начальных школах. Конечно, в жизни все происходит не совсем так, как это представляют себе мечтательные чернокожие юноши, прознавшие спортивные способности: будто бы продавая белым, они выискивают и колледжей нашего Юга сыплются на них, как из рож изюбулина.»

Такие же наивные представления были повсюду и у самого Чемберлена, но вот он решил проведать несколько колледжей, где можно было бы устроиться.

Уилт Чемберлен — звезда американского профессионального баскетбола.

«По своей наивности я сначала отправился в Дитон. Оттуда мне было известно, что там действует сегрегация. В этом городе мой клуб был тщательно дискриминирован. В аэропорту меня встретили, отозвали в гостиницу и по пути объяснили, что мне предоставляется возможность сплотоваться в собственном номере. «Потудай, молодойчик, какая тебе оказалась привилегия!» Но в немедленном отказании от такого сомнительного «привилегия» и отправился в Миссури.

«А есть ли здесь негр-баскетболисты?»—спросил я у вербовщика. «Нет»,—ответил он,—покупаю, сынок, ты будешь первым! Я тут же вычеркнул учебное заведение штата Миссури из списка моих возможных «рыбных матер».

Такие разочарования Уилту пришлось испытать и в других городах расистского Юга. Все же ему повезло. Его баскетбольный талант был

настолько арок, что его приняли в 1953 году профессиональной лигой НБА, который в те годы был одним из центров американского любительского баскетбола.

И тут Уилт убедился, что «любительская» университетский баскетбол можно назвать лишь весьма условно. Соперничествами, спотыкаясь сразу же становится тайными профессионалами и быстро постигают науку получения немалых для любителя денежных почков.

«Не интересуют ли твой отец какой-либо работой? Мы его устроим, в ты, Уилт, будешь иметь деньги на карманные расходы. Понимаешь, мальчик, что я имею в виду! Мы ведь знаем, что такому топовому парню, как ты, понадобятся денюжки...»

Чемберлен поступает как в университет штата Канзас. Не успело сообщение об этом появиться в газетках, как нечто назвавшееся студентом из Индианы, вынул его по междугородному телефону и сказал:

«Послушай на, Уилт! Я не знаю, сколько тебе предложили Канзас. Быть может, то, что мне сказали, просто вранье. Но так или иначе предлагаю тебе в два раза больше.»

«С горячностью Чамберлен в своем восхищении по ступеням «любо-профессионального баскетбола». Два заработал росли. Но еще больше росли доходы клубов, за которые он выступал и комиссионными, которые составлялись за его «приобретение» вербовщиками и шефами клубов.

Баскетбол в США превратился в грязный бизнес. То, что происходило в мире профессионального баскетбола, ничуть не лучше нравом, существующим в профессиональном боксе, бейсболе или американском футболе, которые, как известно, пользуются весьма незавидной репутацией. Его же ответил за это все!

«Буду откровенен и назову вещи своими именами. Повинны в первую очередь хозяева команд, а затем игроки и тренеры.»

Заправным делового мира США проявляют немалый интерес и спорт. Боссы большого бизнеса гонимы, конечно, и за славой спортивных мероприятий, но еще больше — за долларами. Считается, например, очень модным и престижным быть владельцем профессиональной футбольной команды. Но содержать такую команду дорого. Баскетбольная команда подешевеет в смысле расходом для делца почти на уступит футбольной. Бесполезно спорить в каком клубе и потягивая маршину, не бросит бросит «Тех» и говорит, что наши баскетбольные звезды стали летними и небезбучными, не любят черной работы. Совершенно верно, дружище, но же самое я все-таки вынул вчера этим одним из моих команд.»

Вместо для саморекламы, вспоминает Чемберлен, купил известную команду «Фюрриес» делца из Сан-Франциско Фрэнки Мэлоу.

Обычно боссы мало смеются в игре. Зато они знают цену каждому игроку — классным игрокам. И продают их или покупают, не считаясь ни с отчаяньем игроков, ни интересами команды.

«Вот вам не столь забавный, сколько печальный инцидент»,—рассказывает Уилт.—«Вы знаете Барри Кремер! Он пришел на тренировку. Не успел проесть, как кто-то говорит ему: «Меню прочитай, парень, и я переодерживаю. Ты больше не играешь за нашу команду...» Коротко и ясно! Или история с Эционом Хартовором... Он пришел в раздевалку и выложил список. Спросил: «А, это ты, Уилт? Почему ты еще здесь, ведь тебя продали в Балтичор». А вот как разговоривает баскетбольный босс с тренером: «Послушай, я прикупил двух неплохих ребят... Теперь достань мне где-нибудь первоклассного центрового. Вот тебе чек. Действуй!»

Раз баскетбол — это частное предприятие, говорят мне, то существует купля-продажа игроков, чем, конечно, счете и сделки, как и во всех других видах профессионального спорта. Спортсмены вынуждены играть друг с другом и честными делами требуют слепной, подделки, взаимопонимания. Вот почему баскетболисты часто переигрывают в их веро-перемычку приходят за наличными или в банк реагируют на это тренеры? Для делца это не имеет значения. Неважно, они, как правило, подбортостро уходят боссам.

«Я расквинул вам кое-что интересное. Идет тренировка филлидельфийцев. Мы разбиты на две группы. Дело происходит в огромном, довольно темном зале. На трибунах сидят Уайри мяса мнимоются громами гулом, похожим на эхо в горах. Мы одеты в то поппало—вроде сырнотного дела на лимонах. Коч Рашф Шелес пытается внушить нам важность основных принципов баскетбола (согласитесь, он делает это позидовато, у каждого из нас минимум десятилетний стаж игры).

Рашф звучит резким синкст. Вольф увидел нечто ускользающее от нашего внимания. Тренерова оства-

наливается. Голосом, похожим на отравленный лад,— так обычно покрикивает на нас профессиональные ноки, когда поднимает свой затылок. — Он крикливо: «Желтый пробачь три круга!» И вот мы всей пятеркой — взрослые люди, опытные баскетболисты — садимся, мальчишечкам-новичкам, трусой бежим вокруг площадки. В чем дело, почему превращена наша работа над техникой и тактикой? Сейчас продолжает командовать. Теперь наступила очередь «голубых» бегать по площадке... И так далее, и так далее.

Оказывается, все это делалось для Босса, который появился в зале. Тренер парил в этой «показухе» той-то той-то продемонстрирует козину, что его парня не зря едят свой хлеб. А вот какие представления о спортивной этике наскакивает тренер в профессиональном баскетболе. Думается, что же вот собрал команду и заявил: «Эй, парни, нужно научиться симулировать травмы после столкновения и ударов по корпусу. Зачем? Если зачем, посмотрите фильм для соперников. Вы должны научиться падать и не подниматься. С трупом поворачиваться на ноги, хвататься за ушибленные места, прикрываться, делаться трупами болон!»

Такие неблагородные приемы тренера Босса убивают дух команды. Не зря ведь они дронят за свое место. Но словам чемберлена, никакой Босс считает, что в чемпионате профессиональной лиги две унисекса должны команд, именно его «нокиши» должна занять первое место. А так как победитель бывает только один, носкиши из девяти ношек в конце сезона грозят увольнением.

Но мудрено, что пригласил Уилта — тренера Айв Ризера извездил свои парнишки профессионального баскетболиста должен быть характерный человек, который инстинктивно убивает современного профессионального баскетболиста в США. Небольшие или уравновешенный характер игрока — отнюдь не достоинство и острый инстинкт — не достоинство и острый инстинкт. Поэтому от игроков требуют «профессионализма». Тренеры учат ваять это. А владельцы команд тем более.

«Как и полагается прусупающему баскетболисту над Аурбаком дареном во рту откруноу сигару и беседовав со мной сквозь зубы. Правда, я тогда был новичком в профессиональном баскетболе, но мне встречался подщитом со многими неребками ребятами и получил немало синяков и ушибов... И тем не менее джентльмен с сигарой начал почитать мне: «Ты Уилт, играешь в защите неправильно. Зачем атаковать противника спереди, когда лучше сделать это сзади? Смотрь, если будешь продолжать в том же духе, то в следующем игре твой онекуи Борн сделает из тебя пешечку».

Чемберлен понял, что именно от него требуется, и в борьбе против Борна принес 30 очков. Причем бороться пришлось так, что по словам Уилта, «хотел, пока еще не поздно, «эйтиз» чинами и неувреждаем из этих жесткобых джентльменов».

Уилт Чемберлен в своих мемуарах описал весь токсический «жизнь» и сказанное им вызвало недовольство у тех, кто дорожит в руках «смертельного» профессионального баскетболиста. Чемберлену даже пришлось заявить, что «жизнь и развитие «спортсмена» строиться во многом источно изложителю его дисбаланса. Но всем, кто умеет читать между строк, было понятно, что это «спортивное» не только, чем репарировать а сторону боссов, от которых Уилт авидист. А правды о баскетбольном дукетстве США все равно огается правдой. Вот она:

«Я сравнительно обеспеченный человек, но это еще не все. У меня есть счастье и душевное равновесие... Я люблю баскетбол, которому отдал почти всю свою сознательную жизнь, но вижу, как он из моих глаз гонит и разлагается, превращаясь из красивой спортивной игры в очаг нездоровых нравов и нежизни. Можно ли вылечить эти джунгли? Только безудержный идеалист считает это осуществимым».

Недавно в Сан-Франциско был отменен закон, существовавший 150 лет, по которому майфий владельцы мышьякови были обязаны иметь охотничий билет.

Туристы, приезжающие в Бразилию, часто останавливаются в отеле «Фуга» штата Рио-де-Жанейро, несут название «Останция, 1958», «Чили, 1962», «Англия, 1966» — страны и даты прощания, как надеются в Бразилии, будущий побед Бразильских футболистов. Туристы и умины продолжают там 45 или 90 минут. Поставлены будут 21 дельские санитом, в меню ресторана можно увидеть «юкре а ля Пеле».

В одной из парижских газет появилось следующее объявление: «Продам два стигингла по секторно дешевой цене. Звонить по телефону: Орли 46-85-83. Если и телефону случайно подейдет мой труны, прошу молча положить трубку».

Дирекция зоопарка в Филадельфии объявила в газете, что ищет сиогригала в обзавный павильон. Единственное требование и кандидату не должно бояться щипотки.

Три депутата муниципалитета города Дриопопо в Сицилии — школьный учитель, нотариус и врач — были выведены из состава муниципалитета. Их избрание объявили незаконным, так как они не представили перед выборами предостереженное итальянскими законами доказательства того, что умеют читать и писать.

Западногерманская полиция арестовала некоего Ульриха Шиндлера, историка долгов времени обманчив доверливых людей, продавал им пилотки отгадывает, адвокат эрзостовного заявил, что нет никаких оснований маньяклять это позаванного, поскольку ни один из покупателей этих пилоток не поговаривал на то, что они не действуют.

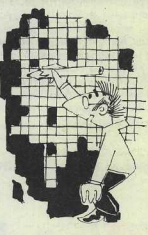

В одном лондонском отеле висит следующее объявление: «Просим анонимных возвращать к себе до двух часов ночи, иначе — не вставать раньше шести часов утра, а итальянца — после девяти часов вечера говорить потише».

Окружной суд Марселя принял решение по некоторому всем городским собакам разрешается лаять в более 15 минут, а днем — полтора часа. Нарушение этого постановления грозит владельцам собак серьезным наказанием — штрафом или тюрьмой.

Любой житель столицы Намодии города Пион-Пени может удостоиться высокой чести. Если он выместит одну из улиц города, она будет носить его имя.

Шесть месяцев югослав Звонко Янан составил гигантский кроссворд, состоящий из 40 тысяч клеток. В 37 828 из них помещаются слова, остальные клетки черные. Всего в этом кроссворде 8 469 слов.

Джон Сада, пятидесятидвулетний американский новшество, назвал «Сонату молчания». Исполняет это произведение довольно своеобразно: через определенные промежутки времени pianist закрывает и снова открывает крышку рояля. Так он производит трижды — по количеству частей в «сонате». Исполнение всего «сочинения» продолжается 4 минуты 33 секунды.

Власти штата Висконсин (США) назвали в пенсии Биллу Стентону, так как он не смог документально подтвердить «все американские гражданство. Биллу Стентону сейчас 113 лет, и уже 166 лет он живет в Соединенных Штатах».

Рисунки И. КЛЕШКО

24 апреля —
Международный день
солидарности
молодежи
против колониализма,
за мирное
существование

Бурлит Латинская Америка. Встают рабочие, крестьяне захватывают помещичьи земли, тысячи демонстрантов заполняют улицы латиноамериканских городов. Во многих странах патриоты подымаются на вооруженную борьбу с продажными диктаторами и их хозяевами — американскими монополиями, которые превратили Латинскую Америку в свою вотчину. Народы борются за национальную независимость и суверенитет своих стран, за право самим распоряжаться своей судьбой. Жестокий террор отзвечивает реакция на справедливые требования масс. Луис де ла Пуанте Уседа и Гильермо Лобатон, руководители партизан Перу, убиты в стычке с правительственными войсками, Луис Ариета — венесуэльский коммунист, томившийся в тюрьме вместе с Хесусом Фариа, — умер после пыток. Совсем недавно пал в бою с карателями легендарный колумбийский священник-партизан Камилло Торрес. Но на место павших встают новые борцы. Молодежь Латинской Америки клянется именами погибших героев победить или умереть в борьбе за свободу. Об одном из таких героев, никарагуанском патриоте Мануэле Диасе Сотело, рассказывает этот очерк.

Рейнальд Пеньявер МОРАЛЬ

24 АПРЕЛЬ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ СОЛИДАРНОСТИ МОЛОДЕЖИ ПРОТИВ КОЛОНИАЛИЗМА, ЗА МИРНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

Никарагуанский журналист Мануэль Диас Сотело, мой близкий друг и товарищ, в свои 24 года был уже редактором газет «Флеча» и «Гран Диарио», председателем Национальной студенческой федерации, а также организатором Независимой партии Никарагуа — единственной политической группировки, которая никогда не шла на сделку с диктатором Сомосой.

Он всенародно выступил против переизбрания Анастасио Сомосы в 1986 году, за что был сослан на несколько месяцев в отдаленную деревушку Самотило. Затем к власти пришел сынновья Сомосы, и Мануэль снова арестован и подвергнут пыткам в стенах Президентского дворца.

Этот рассказ я записал со слов Мануэля Диаса Сотело, когда мы находились вместе в подполье.

Мануэль Диас Сотело — метка. Скоро будет пять лет, как он погиб, сражаясь с оружием в руках за нашу родину. Но в горах, где скрываются его могила, еще звучат слова, сказанные им за день до того, как он пошел в свой последний бой за свободу Никарагуа:

«Победа будет за нами, мы любим простых тружеников, они нуждаются во всей роте на своей собственной земле и станут хозяевами своей судьбы!»

Среди белого дня

— Это было 8 марта 1983 года, — начал Сотело, облизывая внезапно пересохшие губы. — Я, как обычно, писал статью для радио.

Не успев я закончить второй абзац, как голос, показавшийся мне знакомым, заставил меня поднять голову:

— Мануэль, можешь мне уделить минуту!

— Конечно, с удовольствием! — ответил я лейтенанту Альберто Харину, старому школьному приятелю.

Его неожиданный приход очень обрадовал меня. Я подумал, что он пришел по-другому поговорить со мной или сообщить какому-нибудь разоблачительную новость, как это делали многие наши друзья-военные, — скрывать, чтобы избежать осложнений.

— Садись, Альберто, — предложил я. — Нет, не могу. Давай лучше выйдем на улицу. Я не хочу говорить в комнате.

— А что тебе здесь мешает! — удивился я. — Если тебе жарко, можно открыть окна...

Но мой старый приятель не дал мне даже докончить фразу. Схватив меня за плечо, он закричал: — Говорить тебе выйдешь, значит, иди!

Я растерялся. Я ничего не понимал, пока несколько агентов службы безопасности не ворвались с револьверами в руках в мою комнату. Через несколько минут меня уже втолкнули в черный автомобиль на глазах у изумленных прохожих.

В Президентском дворце

Машина останавливается у Президентского дворца.

Мы входим в помещенье службы безопасности, находящееся на первом этаже [в нескольких шагах от кабинета президента Луиса Сомосы]. нас встречает сам начальник, лейтенант Хосе Сильва Рейес — человек среднего роста, очень бледный, прищипнувший глаза за темными очками. Внешне спокойный, говорит с расстановкой и довольно улыбается, поглядывая исподна на свою жертву.

Я стою перед одним из самых страшных убийц в Никарагуа, о кото-

ром говорят, что он либо душевнобольной, либо фанатик.

— Так, значит, это ты тот трепач из радио! — кричит Рейес. — Посмотри, как ты будешь трепаться, если тебе удастся выйти отсюда живым. Все, кто попадает в мои руки, мимо терпят гоноу.

И тут же — кономурю: — Уведи отсюда этого сына шлюхи, чтобы он не слышал нашего разговора!

Это оскорбление приводит меня в ярость, и я врываю, когда меня выталкивают в другую комнату:

— Лейтенант, вы ошибаетесь, я не ваш брат...

Поистине, я «раздразнил зверя». На меня набрасывается один из его подручных. От удара светом я падаю и теряю сознание. Однако я тут же прихожу в себя. Мне надавают наручники и затаскивают на лифт, что на запылять выступил корью.

Начинаются пытки

Сильва Рейес усаживается за стол и включает селектор. Спускается некоторое время в аппарате слышится хриплый голос президента Луиса Сомосы: — Алло, Рейес, как прошла операция!

— Отлично! Попамяк, как голубок в клетку!

— Ну, если так, действуем, как условились, и поздравляю с успехом. — Спасибо, шеф.

— Гуд бай, — бросает Луис Сомоса, блеснув познаниями английского языка.

Начинается допрос, сопровождающийся пощечинами и пинками. Делает двадцать, пятьдесят... Я теряю счет.

Поднять-ка ему слезу по я глаз! — приказывает Сильва Рейес. — А теперь рассказывай о планах этого

разбойника генерала Рудалеса, который собирается захватить кровью Никарагуа.

— Я ничего не знаю о генерале Рудалесе.

— Не делай невинную рожи, подлец! Ты хорошо знаешь, что Рудалес хочет вторгнуться в Никарагуа. Разве не тебе поручено подготовить все, чтобы он мог осуществить свои преступные планы!

— Я уже сказал и снова говорю, что ничего не знаю о генерале Рудалесе.

— Начи эту словочю говорить правду! — приказывает он другому палачу, мощного телосложения, который погмывает толстой длинной дубинкой.

На мою спину обруиваются столько ударов, что под конец я их уже не чувствую. Только слышна глухая мушкет, в ритм которой приписываются от усталости мои мушкетки.

— Это место с костями не протянет и десять минут! — рычит извергательский один из них.

— Придется вытаскивать его на носилках... — поддвигает другой.

Из горющих от соли глаз у меня обильно текут слезы — это все, чем я могу смочить свою пересохшие губы.

Перерыв

Затем палачи устраивают перерыв. Они устали. Я тоже пользуюсь передышкой. И пока я восстанавливаю силы, в голову проносятся сонные воспоминания. В этот момент я вспоминаю самые приятные события моей жизни. Воспоминания — это те моменты, которые усаживаются вокруг нас, когда жизнь иссекает, скрывает на нет, гаснет и сам человек уже не может быть свидетелем своей смерти. Темн начинают стучаться, и вот наступают полные тьма...

Ведро холодной воды приводит меня

ния в чувство. И снова удары, пинки.

— Говори, говори, говори! Скажи правду, не будь ослом... Говори, дерьмо!

Я не произношу ни звука. Удары сыплются градом. Обморок за обмороком. Короткие возвращения к жизни проходят как в тумане.

Снова удары, но я уже не ощущаю боли. Сильва Рейес, знаток своего дела, быстро замечает это и, как бы экзаменуя своих подчиненных, прикажывает:

— А ну-ка, попробуйте что-нибудь другое!

— Снимите с него ботинки, — предлагает американец, которого все знают «мистер Уильямс», — и держите его, чтобы не двигался.

Затем он уходит к письменному столу и быстро возвращается с каменитой щипцами в руках.

Щипцами он принимается вырывать мне ноготь на мизинце ноги. Боль неопустима. Мне угрожают вырвать все ногти, если я не соглашусь и откажусь выдать планы генерала Раудалеса. Наплевать, я только хочу, чтобы они покончили со мной разом. Впечатление — будто отрезали ногти... Боль растет. Я уже не могу описать ее. Это невозможно сделать, как вообще невозможно изменить что-то боль, которую способен вынести человек.

Боль на рубашке, на брюках, на стенах. Но внутри радость, что ничего не сказал, любовь к народу, вера в человека. Любовь к народу творит чудеса. Я никогда не думал, что смогу выдержать такую пытку.

Сорвано два ногтя... три... пять, и двадцать пять или тридцать вырванных остаются без ответа. Я ничего не сказал и не скажу. Правда прачется, как ребенок, в уголке души, и ни угрозы, ни жестокости не заставят ее выйти оттуда.

Ноги распухли, как у человека, пораженного слоновой болезнью. Кровь растекается по кирпичному полу.

— Напль на него ботинки! — приказывает Сильва Рейес Уильямсу.

— Не налезут, — отвечает палач.

— А ты постарайся... Натянн канюбу! — настаивает Сильва Рейес. Сидя в кресле, он испытывает явное наслаждение от этого «спектакля».

Он даме слегка подпрыгивает от удовольствия, когда удар попадает в цель и я корчусь от боли. Садит мистер Уильямс тоже похихивывает.

И почему это у него не влезают ногти в ботинки! — спрашивает, делясь от смеха, Сильва Рейес.

— Вроде они чуть-чуть потоптеш... — насмехается мистер Уильямс.

Комната сотрется от громкого хохота.

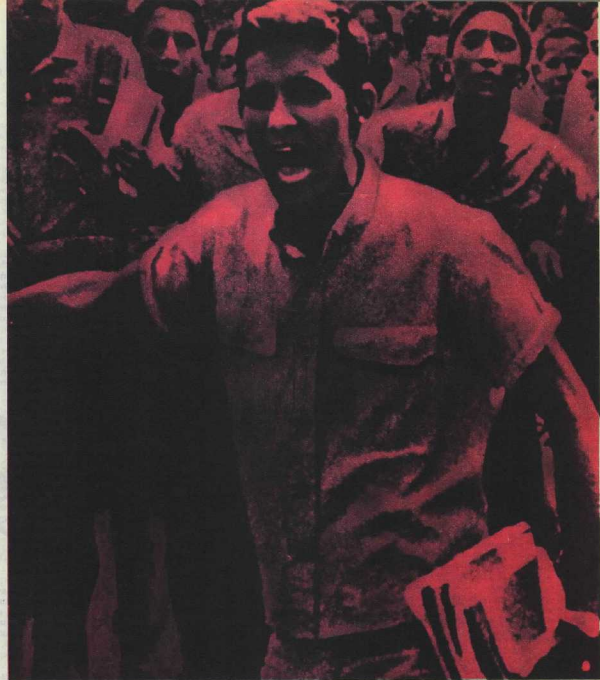
— А я что говорю! И эти слабаки, которые распухают даже от ветра, хотят вырвать у нас пальцы! С ума сошли... — плещет плечо Сильва Рейес.

Сесар Саледон, Сильва Рейес, мистер Уильямс и Агустин Торрес Лопес — все они, собравшись в комнате, спорят и спорят восторженно в остроумии. Луис Аяла — племянник миллиардера Адама Паласос — не может не внести свою лепту и обрушивается на меня с дубинкой. Песне серии ударов я замертво валяюсь на пол.

Сильная боль пронизывает меня изнутри в правой части поясницы. Я думаю — и я не ошибся, — что у меня отбита одна из почек. Питаюсь встать, но не могу...

Сильва Рейес и Лобас — морщится Сильва Рейес и добавляет: — С ним надо помягче и погорячее.

И вслед за тем, как бы под занавес, Сильва Рейес берет обрывок ту-

Молодежь всех континентов крепит свое единство в борьбе с силами реакции.

алетной бумаги и, протягивая его мне, говорит:

— У тебя очень влажно во рту... На вот, разжуй и проглоть этот вкусный бифштекс.

— Нет!

— Ха, ха, ха! Жри, идиот, жри...

Мне прокалывают мозги

После целого дня непрерывных пыток мне кажется, что прошло всего несколько часов.

— У тебя очень влажно во рту... На вот, разжуй и проглоть этот вкусный бифштекс. Удары по лицу, в зубы, во тело, во все места... Кровь хлещет ручьями. В мигнутые перерывы пробую, но перебили ли мне руки, осматриваю раны, источающие целыми онами боли, и правому языком по деснам, чтобы определить, сколько выбито зубов. Сплевываю ступень крови. Захлебывает кашель. Легкие на исходе...

Сильва Рейес уходит. Очевидно, наступило время обеда. Теперь мной занимается лейтенант Торрес. Логично на исходе... Я пытаюсь поднять голову, чтобы взглянуть на часы, но не могу... не хватает сил.

— Придвиньте его к шарнирам, — распоряжается Торрес. Стул, к которому я привязан, подвигают к какому-то странному аппа-

рату, закрытому брезентом. Потом человек сминает и приставляет к моему глазу эти самые «шарниры» так, чтобы я не мог сомкнуть веки. «Что еще задумали эти зверки!» — возмущусь я.

И вскоре умасляя догадка осветляет меня: мне будут прокалывать мозги! — Сейчас ты увидишь, чего стоят твои болтовни о том, что столица не хакает электротокерми. Ваа, по-моему, инженер Сальво только и знает, что торгует холодильниками и довел до краха нашу электротромышленность. Не так ли! Сейчас ты увидишь, что у нас электричества вдоволь, — говорит Торрес, потирая руки.

Я понимаю плечами. На расстоянии всего тридцати сантиметров от моего лица устанавливают мощные юпитеры. Щелкает выключатель, и загорается яркий, слепящий свет. Потом я уже не вижу света. Глаза охвачены пожаром, они быстро высыхают, и в них бурно и остро разрастается боль.

Источный крик вырывается из моей глотки. Не знаю, откуда у меня взялись силы, чтобы так кричать.

Слышу голос Торреса: — Убери те шарниры и наложи ему на глаза ватный...

По тому, как продолжает гореть лицо, я догадываюсь, что лампы еще не выключены.

— Какие у тебя связи с эмигрантами!

— Никаких.

— Что тебе поручил бандит Раудалес!

— Ничего не знаю.

— Кто из нашей армии передает тебе сведения!

Н один вопрос не получает мгновенного для них ответа. Тут я начинаю чувствовать, что юпитеры, которые оставались выключенными, так нагрели мою голову, что мозг буквально начинает кипеть. Боль снова заставляет меня кричать, и очевидно, я разбудил детей президента, потому что Луис Сомоса спрашивает по телефону:

— Что там происходит! Все еще звонится с этим парнем!

— Управный оказался, подлец! Ничего не добьются.

— Ну так не останавливайся ни перед чем. Раню или поздно он должен заговорить.

Судя по всему, они не собираются покончить со мной, не добившись нужных ми признаний. Теперь я вообще больше убеждаюсь в том, что говорить нельзя ни слова. Если я откроюсь, меня быстро прикончат и вместе со мной отправится на тот свет десятки товарищей. Нет, лучше проглотить ватку.

Мучит жажда. Прошу воды. И тог-

да на мне пробуют «чичичагу». Это бочка, наполненная до краев водой и соединенная с электроустановкой. Мою ногу привязывают цепью к днищу бочки.

— Ты ведь хотел пить. Лей из этой бочки,— говорит только что вернувшийся Сильва Рейес, а Торрес в это время держит палец на какой-то кнопке.

Я уже в полуобмороке. Наклонился, чтобы сломить губы, и меня потрясет с ног до головы сильный удар тока. Твержо сознание.

Последний шанс

Не знаю, сколько прошло времени. Чувствую, что кто-то шевелит меня носком сапога, пытается определить, жив я или мертв. Потом чувствую укол в руку.

На меня выливают ведро воды. Время идет. Постепенно прихожу к себе. Я горжусь своей выдержкой.

Раннее утро. Кричит петух, возвещая приход зари. Встаю со мной сто человек с лопатай и киркой. У других винтовки и автоматы.

— Если скажешь правду, сохранишь себе жизнь. Это у тебя последний шанс,— говорит мне Сильва Рейес и с трудом изображает подобие улыбки.

— Можете расстрелять меня, все равно я ничего не скажу,— отвечаю с презрением.

Двое дюжик военных волокут меня по широкому коридору и бросают, как мешок, в «дипл», стоящий во дворе. Стража нет. Смерть избавит меня от мучений.

«Дипл» останавливается у леса. Сильва Рейес и его подручник Торрес жестом приказывают мне спуститься. Впервые подчинился их приказу.

Почти волоком меня тащат в заросли и ставят к дереву. Мне хочется хоть что-нибудь сказать перед смертью, но губы не двигаются. Спокойно жду зальа, но инстинкт самосохранения все же не дремлет: злободный пот выступает на лбу, и ноги ощущают легкую дрожь. Гвардейцы целится. Подходит Сильва Рейес.

— Все еще не хочешь говорить? У тебя осталось мало времени.

Я молчу. Тогда он отходит и приказывает солдатам отвести меня по дороге в чащу, чтобы залп не потревожил жителей дома, расположенных поблизости. Сцена эта повторяется несколько раз, но зальа так и нет.

Один из солдат, увидев удобный момент, шепчет мне на ухо: — Вас не убьют. Им только нужно, чтобы вы сознались.

Тюрьма

Я снова в «дипле», который ищется к тюрьме.

Спустя неделю я уже могу держаться на ногах. Один из тюремных санитаров сделал для меня несколько ушей и дал спотворную, чтобы утилить боль и я мог заботиться хоть на время о целостности своего.

С трудом дотраиваюсь до заданного решетчатой оградой, а внизу, как проходит по улице дель, легко скользят женские ноги. Пронисается автомобиль, подминает тучи. Уличный промкоговоритель доносит до меня мелодию народной песни:

«Если есть хоть одна страна на всем континенте, приправная и кокуэстуальная, то это моя земля...»
О Никарагуа, Никарагуа!

Перевела с испанского
В. БЕЛЕНЬКИЙ и С. СЕРОВ.

ДОГАДКИ, ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ, ФАКТЫ

ПТИЦЫ В ПОЛЕ МАГНИТНОГО ПОЛЯ

Жизнь
в электромагнитном
поле

Что управляет
полетом
птиц,
движением стаи рыб?

Человеческий мозг
реагирует
на сигналы космоса

Бредовая идея:
человек - антенна, —
так ли уж она
вероятна?

вы очень много потерял, что не поговя с имен на охоту. Вы увидели бы много чудес.

Посмотрел на небо, где над залком кружила

птицы. Дутов прождала:

— Впрочем, чтобы вознаградить вас за то, чего вы не видели на охоте, я могу показать вам одно «чудо».

Дутов стал смотреть на птиц. Они тотчас изменили свой полет, выстраиваясь в треугольник. В таком порядке подлетели они к дому. Треугольник прерывался в круг. Круг расширялся и, отдаваясь, как бы растея в воздухе.

Это отрывок из научно-фантастического романа Александра Белюса «Властелин мира». Человек научился управлять поведением животных с помощью электромагнитных полей, индуцируемых мозгом. Ему не представляло труда, отдав мысленный приказ, сдержат стремительный бег лани, преудержать смертоносный прыжок льва.

А вот описание другого опыта, который был поставлен несколько лет назад в одной из научных лабораторий. Банку, в которой беспорядочно двигались парамиды, поместив в электромагнитное поле — и все они тотчас замерли, послушные какой-то им одним известной команде. Выключив поле — и парамиды снова зашевелили по своим делам как ни в чем не бывало. Значит, не так уж и фантастично предположение писателя о возмож-

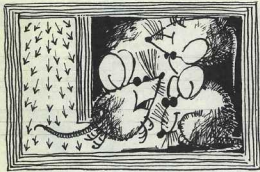
ности управления живыми организмами с помощью электромагнитных полей. Но откуда взялась у животных столь странная способность реагировать на электромагнитное излучение? Реакция на звук, на температурное воздействие, на химический раздражитель — это все понятно и привычно. Для этого существуют микроскопические «приемники» — рецепторы. Но кто может доказать рецепторы электромагнитных излучений? Их не обнаружил пока никто. Но длет ли это нам право утверждать, что их вовсе нет? Не так давно в печати промелькнуло сообщение о том, что американский исследователь Буллок нашел эти рецепторы! Нашел их у рыб. Быть может, природа наградила и других животных какими-то специальными органами, видимо, только вопрос времени — найти и объяснить механизм его действия.

Но пока это гипотеза, а не теория. И противником у этой гипотезы гораздо больше, чем сторонников.

Трудно было поверить, но статистика уверенно утверждала свое: крыные, построенные по результатам опытов, выгибались совершенно одинаково и были похожи, как близнецы. И если этим «близнецам» верить, то оказывается, что большинство людей, сами того не зная, отмечают приближение магнитных бурь. Доказал об этом странном и невероятном.

объяснением явления сделала на Всесоюзной конференции по бионике А. К. Поддубицкий. Ученую удалось выяснить, что за несколько дней до наступления магнитной бури электропроводимость кожи человека резко падает. Причем, у каждого человека свой собственный «барометр»,

мыши отлучено реагировать на появление рентгеновского излучения. Кстати, это было довольно красивый опыт. Мышь помещалась в две одинаковые камеры, одну из которых облучали с интенсивностью 50 рентген, а вторую, наоборот, защищали от излучения. Едва появилось излучение, как животные сразу перепрыгнули во вторую, «безоблученную» камеру. И так было всякий раз, как только включали рентгеновский аппарат.

А вот другой опыт: заметная скорость, с какой размножались стафилококки, а потом эшерихиозная бактерия, так они выжидали из электромагнитного излучения. Интенсивность поля уменьшалась в десять раз, а скорость размножения организмов тоже уменьшалась, но в пятикратный раз.

Но вернемся к наблюдению А. К. Поддубинича. Можно ли сделать такое предположение: Солнце, посылая на Землю потоки лучей, вызывает защитную реакцию, в результате которой в живых организмах появляются своеобразные «барьеры»? Утверждать это пока еще рано. Но какая-то «специальная» система сигнализации у нас, видимо, есть. Ее надо искать. Искать для того, чтобы раскрыть все ее секреты. Потому что сейчас мы знаем лишь самое немногое из них.

Сообщений об этих опытах в широкой печати не было. Специально поспорил о них и как будто забавал А. опыты между тем свидетельствуют, что микроволны определенного диапазона могут воздействовать на головной мозг. Опыты ставились на крысах, и вот некоторые выводы: в микроволновом диапазоне основная часть энергии поглощается в коже, в сантиметровом диапазоне — уже глубже, в мышцах; а дециметровые волны проникают еще дальше — во внутренние органы, включая и мозг. Немного позже совместно исследователи Ю. Холодов и А. Суббота поставили похожие опыты и подтвердили результаты, полученные коллегами.

Итак, электромагнитные поля воздействуют на мозг. Но как и тут выжидали животные, когда были облучены, респираторы вдруг некоторые из своих условных рефлексов! Проходили некоторые в рефлекс полностью восстанавливались. Мысль о том, что центральная нервная система животных и человека не безразлична к воздействию электромагнитных волн, для биологов уже стала привычной. Теперь можно считать установленным фактом: многие участки чистотного спектра электромагнитных волн вызывают какую-либо реакцию со стороны мозга. Недавно удалось высветить, что наиболее чувствительная нервная система к радиоволнам метрового диапазона. Но интересная деталь: чувствительность эта растет с увеличением интенсивности поля.

В других опытах (их поставили у нас в стране) у животных, которых долгое время облучали сантиметровыми волнами различной интенсивности, обнаружилось падение кровяного давления. Причем реакция протекает в две фазы: сначала давление временно повышается, а потом падает. Механизм этого явления пока остается загадкой. Как, впрочем, и повышение температуры тела при облучении крыс теми же микроволнами, но определенной интенсивности.

Вот, собственно, почти все сведения, которыми мы располагаем касательно действия электромагнитных полей на живые организмы.

Но все же всегда существовало в мире невидимого, но могучего океана — электромагнитного поля. Там же мертвые птицы неожиданно сменились синиредной ласточкой бури. Мы знаем, что живые приспособлены к постоянной жизни в этих волнах. Но разве не логично предположить, что жизнь на Земле могла использовать эти волны? И, едва стала такая предположение, мы сразу же начали искать явления, которые словно бы ждали именно такого толкования.

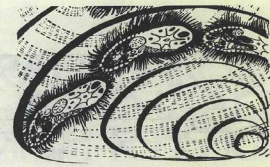

Земле, возникновение всякий раз после солнечных вспышек, не только нарушают связь между континентами — в это время приблизительно в шесть-семь раз возрастает заболеваемость инфекцией! Ключевым доказательством является то же записки от «поведения» нашего светила.

Итак, человек, видимо, реагирует на электромагнитные излучения. Оговорим только: естественные излучения. А что можно сказать об искусственных? Конечно, давая аппарат, который излучает электромагнитные поля! Опущам ли мы их воздействие?

Говорит, американский исследователь Фрей был немало удивлен, когда получил подтверждение того, что некоторые люди буквально «слышат» электромагнитные излучения микроволнового диапазона. Фрей был первым из ученых, кто серьезно исследовал это явление. Наверное, поэтому явление радиоэффекта иногда называют «эффектом Фрея». Ученый показал (правда, не все с этим согласился, часть ученых сомнялась на недостаточности статистического материала), что электромагнитное излучение микроволн проникает в слуховые нервы и, быть может, в клетки головного мозга. Фрей считал, что микроволны взаимодействуют с электрическими и магнитными полями, которые образуются вокруг клеток.

Так что же это такое, «эффект Фрея»? Внешне все просто: у людей, работающих с генераторными установками, в задаточной части головы вдруг появляется странное, едва слышимое жужжание. Вот и все. Но разобравшись во всех деталях этого явления наука пока еще не может. В принципе ничего невероятного в этом явлении нет: ведь доказали же недавно Г. Эвандри и А. Камерон, что

В начале статьи мы говорили об опытах Брайана с парамикновыми кристаллами. Какое, что улитки, выходящие в парамикновом ориентировались относительно магнитного поля Земли. Эта ориентация меняется вместе с полем в течение суток. Даже сныю доклина. Эти опыты, безусловно, можно считать «чистыми». Но раз такой способ ориентации есть у простых организмов, разве не может он быть и у более сложных? И вот появились теории, объясняющие ориентацию птиц в полете именно по магнитным полям. И опять спор и обилие споров. И как считают многие, и та и другая сторона допускает ошибку: видимо, ориентация в магнитном поле все же существует, но было бы неверно приписывать птицам только такой способ ориентации. С птицами, видимо, все обстоит гораздо сложнее. С другой стороны, если и птицы использовали предельно самой природой путь, почему не могли извлечь из него все полезное и более сложные животные?

И теперь мы подошли вплотную ко многим традиционным явлениям в природе живых организмов, на которые наука пока еще не знает ответа. Ибо рано еще утверждать, что все объясняется действием магнитных и электромагнитных полей. Но все больше и больше ученых приходит к мысли, что, например, взаимодействие между клетками, их избирательная деятельность, возможно, удобно объяснять именно с помощью электромагнитной теории.

Но ученые, работающие в этой области, конечно, думают о том, чтобы все эти явления, которыми пока трудно найти приемлемое объяснение, толковать именно с электромагнитной точки зрения.

А сейчас попытаемся ответить на крайне важный вопрос: куда же нам и удобно ли было природе формировать взаимодействие на электромагнитных полях? И нужно и удобно. Ведь это, видимо, надежный способ связи. Такая связь только помогла бы создавать виды. И привнесла бы несовершенство, и снизила опасность, и одновременно маневрирование в стаях птиц и рыб — все это так просто объяснить существованием связи на электромагнитных полях!

тромагнитных полях! И опять осторожности ради нам надо сказать: не стоит думать, что все объяснение кроется исключительно в «загадочных» электромагнитных полях. Это не так и не возмается утверждать. Но с тем, что какая-то роль в связи между особями одного вида принадлежит электромагнитным полям, — с этим, видимо, следует все же согласиться.

Пока мы мало знаем секретов природы, загадочных электромагнитных выводов. Мы только начинаем в них проникать. Но вскоре, быть может, раскроются ревер, имя таинственные явления живого, в том числе и человеческого организма и его высшей организации — мозга, то, что на карте научных открытий обозначено пока белым цветом. Всплывет время, когда мы стрем эти белые пятна.

Д. РЕПИН
Рисунки А. БАБАНОВА

СОЛНЕЧНАЯ ПАЛИТРА СЕРГЕЯ НИКИРЕЕВА

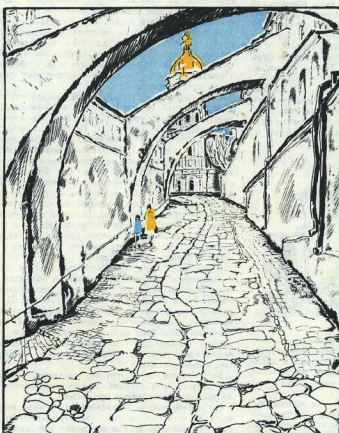
КИЕВСКАЯ ЛАВРА

У КОЛХОЗНОЙ ПЕКАРНИ

УЛИЦА В КИЕВЕ

Когда растеши среди садов, не замечаешь их своеобразной прелесть, как будто у них нет прелесть, как будто там и шумно, чтобы они слыли и цвели, а потом желтели и опадали листья, и снег ложился на кризисе протемненные ветви. Но вот Сергей уехал от садов, а они остались в нем остались, за что-то зацепились и держат, и делятся своими красками, и заставляют все виденное сравнивать с ними — даже города.

Сергей Никиреев родился и вырос в Митуринском, закончил художественное училище в Пензе. Потом его приняли в Московский институт имени Сурикова. Проходили годы, и детские вос-

ЧЕРНОВЦЫ. ПОЛДЕНЬ

поминания о цветущих во-
лосах садах могли бы отсту-
пить перед удлинением мо-
лодого художника, открыва-
ющего для себя мир.
Этим летом Сергей был в
Закарпатье. «Часто темные
пятна леса как бы расступили-
сь, давая место яркой зеле-
ни лугов с большими цве-
тами. Среди таких полей там
и сию выгадывали древне-
вые домины гуцулов. Далеко-
далеко слышны их мантра-
ши на немзысловатых ду-
дочках. Вся природа: горы,
леса и небо — восприни-
мается как-то бодро, возвы-
шенно и поточно» — рас-
сказывает Сергей о своей
поэзии. Еще лучше расска-
зывает о ней его рисунок —
яркие, темпераментные, бо-

гатые сочным сочетанием
красок. Синяя гора, покры-
тая карпатской елью —
«Нарпачь». Нарпачь солн-
цем, частый, словно роже-
денный мажорными звука-
ми горой — «Черновцы. По-
лдень». Точно обозначенные
скульптурными караван-
ами характерные фигуры гу-
цулов — «Лесня. Гудульские
сувениры».
«Перенять особая колорит-
ность мест: красивые, нагро-
дыне гармонии старого и но-
вого и в то же время выра-
зительную контрастность,
ритмичность и движение по-
мощь мне цветной караван-
даш... Сергей всматривается
в свои рисунки и, словно в
чем-то убеждаясь, продолжа-
ет — это мой любимый ма-

териал, им я рисую с увле-
чением и стараюсь использо-
вать все его качества до
конца и в полную силу. Он
способен оставаться на бума-
ге еле заметные линии и
легкую тень. Насыщен-
ные пятна цвета и сильные
большие штрихи. На рисо-
ванных предметах как бы
проникает отблеск».
И в самом деле, темпера-
мент художника заставляет
чуть заметно проветривать ветви
«Прозрачная весна», возни-
ст в небо голубые клубы
Киевской — джары, и даже у
«Колхозной пенарии» по-
щавь не стоит, а лениво пе-
ребирает копытами, поначи-
вает головой и потянуто трю-
нет с места. Дело совсем
не в том, что Сергей пишет

так детально и достоверно,
как один правый художник,
который рисовал виноград,
и птицы летали, и клеветал
его. У молодого художника
есть свой четкий взгляд на
жизнь, на природу. Он пи-
шет только то, что видит.
Пишет омерзимо — от ве-
терения сделать видимое
ему одному полезное для
всех. Он пишет «дни и ночи»
и «дни и ночи» весны,
ищет материал для работы
и, появившись, сейчас доволен
тем, что написал. «Караван-
даш» и в больших расстужева-
ных птиках сохраняет по-
верхность фумати. Она про-
свечивает, местами вообще
остается нетронутой. И в то
же время сморщится цветом.
Получается рисованная по-

верхность, создающая впе-
чатление несоблачной свежес-
ти. Мне хочется от обы-
чных вещей добиться макси-
мальной значности, бодрости
и радости».
Сейчас у Сергея, как гово-
рится, мечты сбываются.
Для графического компо-
нта он делает эстампы. Рабо-
тает много и интересно. Его
пейзажи хороши — и секрет
их прелесть, наверное, в
том, что где бы он их ни
писал, в них всегда есть что-
то от свежести цветущих
мичуринских садов. «Все де-
ло в том», — сказал Эмил
Золь, — что искусству нужно
солнце, нужен воздух, нуж-
на светлая юная женщина».
Н. ДМИТРИЕВА

Творчество Андрея Вознесенского занимает видное место в современной поэзии. За книгу избранной лирики «Антилирика» А. Вознесенский выдвинул на соискание Ленинской премии.

В статье Станислава Лесенского, содержащей, по мнению редакции, и спорные passages, рассматриваются особенности творчества поэта. Автор ставит перед поэзией Вознесенского и, вопреки противоречиям, тем не менее любящим поднимает призрачность своего отношения к ней.

АНТИЛИРИКА

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Я представляю себе Вознесенского так: он тоненький «прутик антенны». Самобытно и самозабвенно прутки вытянулись и забьются над лесами, росами, городами. Прутик нежный, но он ловит громы и шорохи: включает на полную мощность, и फिर — через толстую антенну! — вымолот, раздавит тишину комнаты или сосен. А вот поэт переходит к приему на передачу: подают позывные, то робкие, то огульные, то божественные. Поэт — Путь. Слышащую противоречие: «антенна» слышит всех и ее слышат все, но грустнее всего ей услышать себя. А кому это просто? Главное — вот что:

Край мой, крайняя красота,
Край Рублева, Блока, Ленина...

Если меня спросят, какое слово чаще всего ассоциируется у меня с поэзией Вознесенского, какой лик просвечивает сквозь все творчество поэта, что есть музыкальный клив его стихов, то я отвечу: Р о с с и я. Точнее, что-то в России, а именно ее всемирная отъединенность.

Музыкальная гармония русской классической поэзии и «классического» (по Водовозу) языка Вознесенского не дисгармонична, а ее возмещение и продолжение. У Вознесенского много стихов об Америке, Франции, Италии, вообще о Западе, вообще обо всем мире. Но поэт знает, что сердце Советской Родины разбито и чужие вехи отключены на боли и бедах мира. «Нам внято все...», как сказал Александр Блок.

Вначале было слово. Поэт не только услышал, он и увидел, и осязнул, и оцупал слово, Вознесенский даже обнял его! Оно было живое и претовало. Оно было русское. Цвет звучал, а звук — музыка.

Вознесенский, если можно так сказать, начался с русской ярмарки. Давайте увидим как было во сне ее равновесие, шестерю, буйство, смешение запяток и запяток, да еще красноту маковых куполов, да скомокорок...

Цвет и звуки правдолюбив. Праздник был всеземельных сильных. Торжественно художники всех времен. Поэт от имени молодежи нашей общал им, замученным и бесцерковным, достояние города и построил новые (поэма «Матера»).

Колокола, гудочки... Звон... Звон... Шумит, шумит сколько-нибудь.

Только слышнее: бытнее, явнее нежный прутки антенны сердца. И является любимое слово, омытое позывные, дающее пальце. (Поэма «мы прочтем в «Обла»: «Ты летяшь Подосковнем, хорщи по облакам».)

Вя Да он, кажется, действительно сентиментален! Замазала, озорник, армарочный всеземель — да он, кажется, влечет... Ну, не смею ли: «Будуте в ярмарки дядьлетя веккой», — а сам про худешные ладошки...

Но это пока далеко внутри — не расслышать.

Поэт удивится бытням в его непосредственной давности, часто лишь внешне живописной, но столь глубокой, но вликой, мизантропией все предписанное значение, названное естеству. Миропушение поэта ренессансного. Его стихи атакуют аскетизм и ханжество. Его стихи полны жизни.

Чтобы освободиться от ветшаности, но привычных предательств, надо, «сметая каноны, прогнозы, параграфы», увидеть саму жизнь, «взвну, оцупнуть, необудяющую». «Очень-очень в ярмарки, мизантропией», «куполо-красные и тымки-куполо», «яростные русские, красные рубахи» — жизнь!

Художнический труд, как и всякий труд, оозначает поэтот в его радостной игре жизненных сил. Природа — художник, художник подобен

природе, рождающей плоды безорастно и ликующие, в счастливых муках.

Маленький этюд Андрея Вознесенского «Сибирские бани поэзии» на основе персональной цветовой палитры «био-художнической» (скажем так) целиности постижения жизни. В этом сибирском «лико» сочетаются немудреные и озорство, бережность и темперамент, ярость и чистота.

В стихи Вознесенского нахлынут, как автопортрет на улицах, обгоняя и сбивая друг друга, «испещенные» подробности века. Но тот чистый свет, что будет сиять сквозь замес, и есть свет России, Родины, прекрасного женского лика, ее образа, что по сути и по традиции — художница Татьяна, блоковская «О, Русь моя! Добра моя!»

Поэтическая судьба авторства и стремительность повела Андрея Вознесенского крутыми виражами. Истерпан один моток, он вневаяно — на первый взгляд внешне — опровергает, светает себя, безраздельно отдаваясь новой скороти или тому покою, что после гонки воспринимается как невесомость в бешено летящей ракете. Должно быть, дается это ему легко, такое «испещенные» замесы. Оно опустошает, как всякое интенсивное творчество, в котором силы личности перелавливаются в рождающийся плод, и только внутренне богатая душа выдерживает подобное эмоциональное напряжение, неугасимый поиск.

Он исполнил предначертание «Параболической баллады» — он набрал на грамму, а параболу: «Прямая — коротче, парабола круче...»

Тоненький прутки антенны сердца принял грозные позывные развороненного, потрошеного земшара, и ярлык, сочный, прочувственный, как арбуз, поэтический образ мира зрелаясь внутри.

Это он себе, поэтот, задавал вопрос: кто ты? кто ты? Кто же перед ним разверзнулся мирской параболы, то возник изнутри. События, люди, явления спрашивали поэта: кто ты? кто ты? И он, опарашенный, едва успевая узнавать у людей, событий, явлений: кто ты? кто ты?

И они говорили ему: мы — это ты, ты — это мы. Мир один, он в тебе, ты в нем. И тогда на вопросы людей, событий, явлений поэт стал отвечать их голосами.

Вспомнил себя сферичным. Тысячеконный, тысячеконный, поэт заговорил за всех. Он — горе, он — голуб, он — негр, он — битник, он — кинозвезда, он — аэропорт... Ему нужно побыть всеми, иными, разными.

Начиналось представление (характер его позже разгадает московский театр на Таганке).

Николай Николаевич Асеев любил читать «Позывные группы» на равные голоса. «Странно» он почему-то декламировал на мегити («Камеринского» и, «Позов негры» почти пел, вытгивая из себя длинный басовитый вой:

Мы — таятмы гомеричные с глазами
горемычными,
клубнисы,
нан дымы — мы...
Мы — белы, как холодильники,
как марля карантинная, безмозгленно
мертвы — мы...

И Асеев подчеркивал все эти хослято-грозные созвучия: дымы-ды, мы-ды-ды, вы-ды-ды, мерг-ды-ды, вы-ды-ды.

В его исполнении действительно получалось, что «17 Вознесенских столу...», да не семидесятилетие, а «мы-ды-ды-ды».

Оно «Мастеров» переходит в драму, поэма — в 40 отступлений от поэмы.

Вот почему он, Вознесенский, превращался в аэропорт: в некое разомкнутое местелье небес, самолетов, судоб, чемадолов, чудес. Так он

находил себя в других, но так он и терял себя, растворялся во всем. Но это опять правдик. Но на это раз, вым, лику бытням и оно дарит антилирика бытням алгологичным.

Время дорогие витражи,
Точно рентгеновский снимок души.

Такое «свечение» (оно «брездит») постоянно в поэзии Вознесенского. В одной поэме просвечивает другая (даже метрически: в антепах — алгологички). Отсюда эти бесчисленные «как», «словно» и «точно». Назовение сравнений.

Вещи, события, люди изменяются непрерывно и безметно, «смутно». Они с нами, а мы немы. Рубеновская, если употребить это определение расширительно, рубеновская уверенность, что мир естественно сочен, ядоров, груб, что он таков — и все, эта уверенность исчезла. Поэт выцедивает ему и тылко, он невидит, но он и в чудовищном самоуверении, из которого не вырваться, экзальтация нарастает, его уже автоакталитца, и вот как красиво, во всем великодушном слове и красок изображается... избиение:

Было бытням, Благит Болом.
В мышине телье и маре,
в мизантропичности и котоме,
Нам больше промотора!

Вознесенский сочетает определение: сладко — досадо, торжественно — жалостно. Моралистическая оценка исчезает, как у некоторых героев Достоевского, в наслаждение даже унижением, даже унижением, и «студбашная голова» стала лупа поцелум убийцы. Да, это противоречие, и жестоное, лишнее целиности внутренней жизни поэта. «Треугольная группа» — кризисная книга.

Критический жест становится ее скоростью, накал, напряжение («А на фигура?») — спрост поэт черной волею, прелетевший от Эдгара По к Вознесенскому. А пока...

Рассматриваемые...
Рассматриваемые...

Мы родились — бесмертны
не выматать,
а спидинеры выматать...

Переключки слов (апологичность — апологичность), как бы сквозное прошифривание, прошишение, простраичание строк и строф, это безграничное доверие к акупаниям слова, убеждение, что в мизантро, в акупаниях таится смысл, создают впечатлительные таинства, магны. Образы, нравления, мотывы Вознесенского многозначны. «Вуем, как няман», Вознесенский ритуально читает внешнюю форму слов проведений, он обнажает их конструцию, высказываясь не столько готовым зданием, сколько его созданием, которое прихотливо происходит на наших глазах. И это, конечно, делает многие стихи Вознесенского труднодоступными для первого понимания.

Да, он слушает (вернее, слушал) себя, как пища, и убежден, что каждый раздается как звук откровения. Но не только слух, не только зрение ведут поэта. Вознесенский музыкально воспринимает запахи — спреш, ежен, бензин, они приоброутают поэтическую мелодию. Этот смешение он поэтот: он поэтически оцупает сколько-нибудь тон спиче, краснование всего живого.

Интуйтивная импровизация руководит Вознесенским. Она же его и подводит... Вуем, запахи, цвет смешение действует на поэта, до он стращитесь поэзиями. Углубление пугает его.

Вознесенский — лирик. И Вознесенский — земский мистификатор. Он испытывает пределы поэтической свободы, он подраивает «сущности» людей, он мальчишески коканает им язык. Бусулкиным, Антубусулкиным... Он подраивает абсурд. Но его всеяте тай серьезность... «Вы душо — я шут! Я — судя». Над пророками смеялись, скороморхи пророков...

Вознесение

стоявали. Противоречие соединило двух лиц в одно лице поэта тонко отменила Белла Ахмадулина: «И что-то в нем, хвали или кори, есть от пророка, есть от скоромной...».

Впрочем, лихая скорость Вознесенского по пути-небесности. Она бросает вызов. «Фантазия покорит журавя» не хотит мириться с обыденным покоем. «Можь оводий, афши, обид(или, как позже скажет Вознесенский, «можь сплетен, гнаний и сумев)» а читает сюжет поэта. Поэт совмещает грозу-опасность: ведь он иногда надевает маску, а маска может прирасти к лицу. Но:

...мстит над тобой, как зов,
первая твою
великая
ответственность любовь...

Вот оно, одно из главных слов Андрея Вознесенского:

Невысказанно быть распитым,
до каждой порции смывая,
Нельзя в себя от губ до ланит,
Как пауз, вставных глаз!

Так в «Треугольной группе» прорывается и голос самого поэта, совершающего побег из лица в себя и собой, и к себе и от себя жить в Америке, пропавшей марком...». Буржуазная цивилизация распинает человека.

Задражая коневный прутки антемом сердца, захлестнутое было покоем вещей, соблагов, людей, звуков, красок, оргий, воллей, плоской, огней, машин... Невысказано!

Отчего поэту невысказано?

Да оттого, что он чувствует за весь мир. Мир настолько сблизился, его было сейчас так столько одним, что поэт не может не чувствовать за человечество, тем более поэт русский, советский. Где бы ни мучали людей — в Гарлеме или в Париже, — поэту невысказано!

От этого «невысказанно» поэт сбегает в себя. Обычно в таком случае говорят: герметизм, башня из слововой кости и пр. «Нет!» «В себя» — для поэта значит — к людям. Потому что «в себя» — это к сердцу, душе, к природе, к личности, берем и себя иотделаем от человечности. «Я разворован, я разбросан...» — поэт в ужасе. Его лечат березы Родины.

Тышина прачка, тышина... В этой тышине содержится одно из лучших произведений Вознесенского — «Осеня в Сигтуде». Это сильно личное стихотворение, исповеднической и грустной интонацией. Это — прощание Вознесенского с самим собой. Прощание с сорочка отступившего от поэмы, в символическом смысле этого слова. «Осеня в Сигтуде» — не подведение итогов. Итогом будет «Оза». Поэма о Ленине «Ложжимо» станет для поэта окончательным раздумием.

В Сигтуде он светил и тихо прислушивается к себе. «Спасибо», — говорит он. А кому? Человечности, любви, лесам. Спасибо...

За все обыкновенное, негромкое, за тишину... Но в приобретении он уже чувствует потерю. Его «спасибо» не благодарность. Чуждом, десятым чувством он слышит в «спасибо» «спасите!»

Слишком многим людям слишком спокойно в этом неспокойном мире; над их ушами поет звучит это «спасите».

Приходит понимание:

...что наугад нами наугад,
что мы да и сплунуши наши —
...но язык

Поэма «Ложжимо». Поэт наедине с Лениным. Стих приобретает даже некоторую религиозно-стихотворную сдержанность. Места эти ироничны за тему. Стих робок. «Любовь — великая болянь», и это применимо к «Ложжимо».

Ленинская тема серьезно важна Вознесенскому. За онаем ему светила сестрой Ленина. В шуточных лесах он думал о «переложившейся» гениальности Ленина. И вот в «Ложжимо» Вознесенский решает на поэзу о Ленине. Тема необытна: поэма летит, как продолжение Земля. А городки, в которые «релется» Ленин, летят точно, широко и небезопасно, как тот артобросный снаряд, как что «подлетит империи, черны, будущие берин», так что рушатся рейкстаги в 45-м «напалов!» А школа в Ложжимо, где Ленин читал лекции, раскрывается во всю планету.

Вся поэма — это вопросы, которые поэт задает себе и Ленину. Молчаливые вопросы, молчаливые ответы. Раздумье. Тышина. Ощущающий свет.

«Скажите, Ленин, в нас идея не встает?»
И Ленин отвечает.
... На ее вопросы отвечает Ленин.

Многие вещи в сборнике «Антимир» воспринимаются как новая поэтическая категория по сравнению с «Треугольной группой». Они убеждают в закономерности «Оза».

Обычно говорят о сложности «Треугольной группы». Но, пожалуй, самые сложные изданные произведения Андрея Вознесенского. В них мелодия хрупкая, чувства еще более угоничивались. В них много оттенков, полутонов. И одновременно это о самом простом, близком каждому человеку.

Женщина... Женщина в поэзии Вознесенского — синоним судеб времени, солнечное его сплетение. «Как разнузданно врезались в женщину войны холудные, войм глобальные...».

Есть и «Антимирах» стихотворение «Индская биостатия». Она — журавлика. Пленет в небе журавлика. Она воляна, но на ней мечено колечко биологов. И как вышло это колечко, выписаны поэтические повторы: «воляна, то есть планета, целая, но колхозованная». Пленет в небе журавлика.

В «Антимирах» — драматический рад женских судеб. Каждое стихотворение — новелла, повесть со своим сюжетом. Их героиня переложившими работами, в аду «свободного мира». Все они журавлика с Индской биостатии.

Под угрозой, написан над миром, обстрелно чувствуется его красота. Сирынь ли, сосны, снега — «природа», как говорит в учебниках, находят в поэтизации от шестая обезузданности работавания.

В «Охоте на зайца» — обнаженное чувство жизни, боль, страдание и любовь существе...

Он лежал посреди страны,
Он лежал, трепыхаясь слева,
Славно серое сердце леса,
Иными.

Одно из стихотворений так и называется: «Тышина». Тышина не успокоение — творческая тышина, в которой зреет высокое, человеческое, праведное.

Тышина — мир. Тышина леса, полей, небос. Ангелна оглушена дистонией, принятой из эфира. Она устала и от себя, и от машин, и от роботов, притворившихся людьми. Вознесенскому знаком Вознесенский.

Поэт уже попорацал с ярмарочным шумом Политтехического. Значит, начинается «Оза».

«Аве, Оза! Здравствуй, Оза! Единственной — единственное имя. Зов, Зов...». Может, ее назовут Оза? Оза, как Оза. Нес Оза.

Трагическая закономерность — они же и прозябает. Оза, и они всегда чуть высокопарны и чуть сентиментальны, когда они могут позволить себе не лицедействовать, а молиться любовью!

У поэмы «Оза» Андрей Вознесенского есть подзаголовок «Тетрадь, найденная в тумбочке дубинской гостиницы». Видно, это не поэма и не строчки «марсовых границах, а именно лирическая тетрадь, объединенная энергией встревоженной мысли. Но где Зов, где Оза? Дивенный, «двойной души чужой», возможно, он и двойник души поэта: люди, события, времена, вещи перекликаются и, заглядывая друг в друга, узнают себя. Оза возвращается в Оза, голос поэта зеркально слышится в исповеди философа. В поэме снова много голосов: сам поэт то робок, то ироничен, то пророчески одержим; физик заносит в тетрадь свои катастрофические видения и вежные признания; говорит черный ворон, аловский Медфостель, эзотеричного века; мечут сомнамбулятинки напояженные губы; говорит одушевленные и неодушевленные роботы... Мир многочислен и един.

В конце «Оза» летит самолет и за ним «отставший звук, прямоугольный, как прицеп на буксире». Вот так и поэма — все голоса, как отставший звук, а, увлекая или преодолевая их, сквозя эль и сон рвется голос поэта, живой, истинный, человеческий. Вот он:

Мир — не храм для аукциона.
— Я — Андрей, а не индус.
Все отброшено и забыто,
если рухнет человек.

«...Андрей Вознесенский, славивший аэропорт и аэропробег, воспеваел туфельки. Обычные женские туфельки, «теплые, только с ноги», и они же символические туфельки. Они покинуты, туфельки, и теперь они символ. Символ красоты, нежности, единственности. Куда ни шаг аэропорт и циклодром! Ведь все и существует ради них, да туфельки, а ради нежности и любви, короткое, убагу, потеряли туфельки, слово Золушка (только не одгу, а с об), и стоят они теперь, как изящный зов о защите:

...В мире металла, на черной планете,
сентиментальные туфельки эти,
Как пера таном присели голубки —
немные туфельки в форме сируирум!

Насколько ясна и прозрачна мелодия жизни в поэме, настолько фантастично шестиве призраком. Манекены топают в безмие, у них «обратное время».

«Ключевая» глава в «Оза» — диалог с воронкой. Воронка видит, как говорит: «А на кого вы?». Грубый этот вопрос не нов, его задает себе каждый живущий, его не удалось задать себе человечество. И этот вопрос — для людей по крайней мере — нелишний.

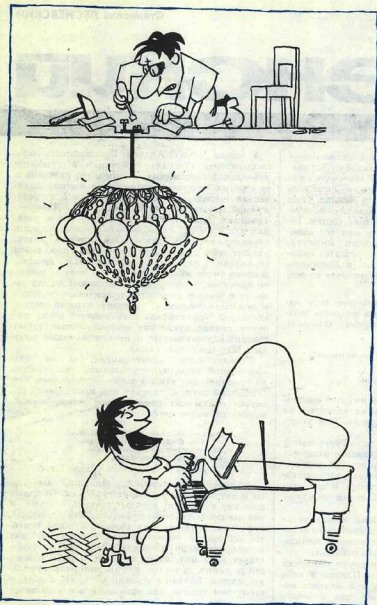
Но в изречениях поэта слышится вначале ирония. Я не верю, что это говорит Вознесенский. Это его некий блудоступивший и зерелечный двойник, враде историка, который «сеод и румяный» и которому «улабываются дети и собаки».

Но, иронична ирония, поэт действительно выражает ворону:

Как сказать ему, подонку,
что никак, не надо подонку? —
«Оба тебе, оба тебе, чужо
полеу и ручья!»
Чужо никак, Небьисчисно!
Но не мни — что спорить с ним!
Могно бы — да на фиго!

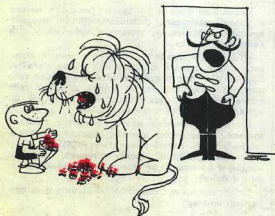
Чудо жить, О нем — всн «Оза», выстрадавшая, срылая поэма.

Ньюе произведение Андрея Вознесенского, — например, родниковые стихи о Кижих, — на мой взгляд, и самые зрелые. Ясные и сильные стали и боль, и нежность, и ненависть поэта. Нетя это нехорошо: сердце, к счастью, живое.

БЕЗ СЛОВ

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

НИКОЛАИ! КОГДА ЭТО НАКОНЦЕ ПРЕКРАТИТСЯ? ВЕДЬ СУЩЕСТВУЮТ ЖЕ ЩИПЦЫ!

БЕЗ СЛОВ

— ЭТОТ СОСЕД СВОИМ ПИЛИКАНЬЕМ СЖИВЕТ НАС СО СВЕТА!

Рисунок В. АРСЕНЬЕВА
К. РОСТА

БЕЗ СЛОВ

Рисунок А. НЕКРАСОВА

ПИСЬТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-82-84; отдел очередей и публикации — Д 3-31-03; междугородной связи — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; студенческой молодежи — Д 0-49-98; информации — Д 1-04-10; оформления — Д 0-29-38.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редколлегия: К. К. Андреев, В. Н. Ганичев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замочкин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

Рукописи не возвращаются.

Художник-оформитель О. Безухов.
Технический редактор Н. Вудкина

А10235.

Подписано к печати 17/II 1968 г.
Формат бум. 70 × 108%. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5,6.
Тираж 1 000 000. Изд. № 563. Заказ 880.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Неторопливо.

Где-то посредине земли

люди все мосты развели. Над водой застыли мосты и молчат, как заломленные руки. Ты видишь медленно плывут корабли, большое солнце исчезает вдали.

Это для того, чтоб в ночи, чтоб в ночи мы друг друга не нашли. Я свою любовь берегу, через море перекину мосты, если только я поверить смогу, что идешь навстречу ты!

Зыбка обманет вода, Раньше отойдут поезда. Закричит о чем-то своем, Зашумят Потроженные птицы.

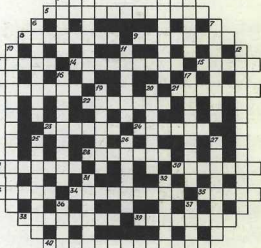
Холодный ветер не оставит следа, В далеком небе замлгает звезда, Слово говоря, что тебя, Что тебя Не найду я никогда.

Я свою любовь берегу, Через море перекину мосты, Если только я поверить смогу, Что идешь навстречу ты!

Тысячу дорог я найду, Без весте во тьме пропаду, Только мне и смерть не страшна, Не страшны И любые испытания. Пускай я таянюю узнаю беду, Пускай я буду задыхаться в бреду, Где бы ни был ты, все равно, Все равно, Все равно тебя найду!

КРОССВОРД

Составила А. МАЛОЧЕНКО, г. Днепрпетровск.

По горизонтали:

По вертикали:

1. Советский литературно-художественный журнал.
2. Приспособление для точной настройки радиоприемника.
3. Один из двадцати шести банских комиссаров.
4. Духовой музыкальный инструмент.
5. Род общественной деятельности.
6. Ветер на юге Франции, приносящий холодную погоду.
7. Ветер на юге Франции, приносящий холодную погоду.
8. Советский композитор, народный артист СССР.
9. Русский народный песня.
10. Стихотворение В. Маяковского.
11. Украинская народная песня.
12. Коренное перуанское, перелобозование.
13. Персонаж пьесы Л. Леонова «Золотая карета».
14. Союзная советская республика.
15. Залежный минерал.
16. Обширная группа островов вблизи Австралии.
17. Название трансевропейского нефтепровода.
18. Баллада В. А. Мухоморова.
19. Движатель осведомительного движения в Латинской Америке в XIX веке.
20. Медленный темп в музыке.
21. Горный перевал в Болгарии.
22. Остров у северного побережья Советского Союза.
23. Центр черной металлургии в Чехословакии.
24. Порт в Норвежской Нарвике - Демократической Республике.
25. Курорт во Франции.
26. Цикл черной металлургии в Чехословакии.
27. Польский живописец XIX века.
28. Балет А. И. Хачатуряна.
29. Автор первого в России скульптурного портрета Марла Маркса.
30. Советский детский писатель.
31. Движатель осведомительного движения в Латинской Америке в XIX веке.
32. Медленный темп в музыке.
33. Порт в Тунисе.
34. Горный перевал в Болгарии.
35. Балет А. И. Хачатуряна.
36. Порт в Тунисе.
37. Горный перевал в Болгарии.
38. Автор первого в России скульптурного портрета Марла Маркса.
39. Советский детский писатель.
40. Медленный темп в музыке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

1. Ваюбоб.
2. Везуч.
3. Ляубр.
4. «Кармен».
5. Гран.
6. Вена.
7. Кавалка.
8. Лирита.
9. Сихара.
10. Палино.
11. «Восна».
12. Вукса.
13. Лизла.
14. Сойла.
15. Дюмор.
16. Абсбст.
17. Вятяж.
18. Изабара.
19. Анис.
20. Коабо.
21. Навага.
22. Умерос.
23. Осана.
24. Стадн.

По вертикали:

1. Вайнац.
2. Ваин.
3. Вавуса.
4. Вуртас.
5. Зуев.
6. Чинара.
7. Лаврон.
8. Букам.
9. Булда.
10. Невада.
11. Косинур.
17. Аргитна.
18. Парад.
19. Обсор.
20. Любин.
24. Амлюдо.
26. Охота.
27. Отару.
28. Андрино.
29. Тихама.
30. Валиес.
31. Георга.
34. Сана.
35. Ааса.

Внимание наших читателей!

Не забудьте подписаться на «Смену» на 2-е издание 1966 года.

Подписка принимается без ограничений в отделах и агентствах «Союзпечати», в отделениях связи, а также обществеными распространителями печати на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях.

ЧЕРЕЗ МОРЕ ПЕРЕКИНУ МОСТЫ

Слова Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО
Музыка Александра ФЛЯРКОВСКОГО

Где-то посредине земли
Люди все мосты развели.
Над водой застыли мосты
И молчат,
Как заломленные руки.
Ты видишь: медленно плывут
корабли,
Большое солнце исчезает вдали.
Это для того, чтоб в ночи,
Чтоб в ночи
Мы друг друга не нашли.

Я свою любовь берегу,
Через море перекину мосты,
Если только я поверить смогу,
Что идешь навстречу ты!

Зыбка обманет вода,
Раньше отойдут поезда.
Закричит о чем-то своем,
Зашумят
Потроженные птицы.

Холодный ветер не оставит следа,
В далеком небе замлгает звезда,
Слово говоря, что тебя,
Что тебя
Не найду я никогда.

Я свою любовь берегу,
Через море перекину мосты,
Если только я поверить смогу,
Что идешь навстречу ты!

Тысячу дорог я найду,
Без весте во тьме пропаду,
Только мне и смерть не страшна,
Не страшны
И любые испытания.
Пускай я таянюю узнаю беду,
Пускай я буду задыхаться в бреду,
Где бы ни был ты, все равно,
Все равно,
Все равно тебя найду!

ЭТО И ЕСТЬ ХОККЕЙ!

Выдающийся советский инженир Сергей Эйзенштейн, слушая однажды репортаж о футбольном матче, сказал: «Как постичь законы, с помощью которых они (футболисты) добиваются такой выразительности, что сто тысяч зрителей новую их динамику видят? Наверно, в еще большей степени эти таинственные законы действуют в хоккее, ибо они основываются на таких человеческих качествах, как ум, мужество, стойкость, сила. Вроде бы еще пор волнует «русская загадка», как это люди, всего лишь двадцать лет назад впервые узнавшие законы хоккейной игры с шайбой, сумели забрать все существующие в любительском хоккее мировые титулы: двукратные олимпийские чемпионы, шестикратные чемпионы мира,

а уж о первенстве Европы и говорить не приходится. Конечно, с каждой новой победой следующая будет даваться все с большим трудом. Одно дело — однажды подняться на вершину спортивного Олимпа, другое — прочно основаться там на годы. Четвертый раз подряд советские хоккеисты завоевывают золотую горную чемпионку мира. Вслед наших спортсменов в мировое хоккейное искусство трудно перенестись. Советский стиль хоккея, советские методы тренировок — эти термины прочно вошли во всемирный спортивный лексикон. А в историю хоккея вписаны имена Чернышева, Тарасова, Боброва, Пучкова, Солгоубова и многих других наших ветеранов-первопроходцев. Рядом с ними стоят нынешние герои: Александров, Альметов, Старшинов, Фирсов...

Фото А. БОЧНИНА

Первая страница обложки — фото Е. ВОЛНОВА.